

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

и

Искусство

1898 г. II-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20-го Сентября.

СОДЕРЖАНИЕ: Вопросъ о вызовахъ.—Походный Театръ.—Драматическое образованіе въ Россіи (продолженіе) Ю. Озаровскаго. — «Юность». — К. Фолоньева.—Хроника театра и искусства. — Библиографія.—«Фераморскъ». — И. Гин-скаго. — Театральныя замѣтки — А. К-скаго. — Душа — рассказъ А. Дьяконова. — Заграничней. — Провинціальная лѣтопись. — Ре-

№ 38.

пертуаръ.—Объявленія.—Рисунки: «Памела» (2 рис.) «Королевская звѣзда». Портреты: Гн. Д. П. Голицына, В. А. Тихонова, Стравинскаго (2 порт.); г-жъ Цванцигеръ, Буткевичъ, Дарвиля, (2 рис.) Режанъ, Дрюиеръ, Анкингъ.

Литературно-драматическій отдѣлъ: «Сплетилъ» драма въ 4-хъ дѣйств. О П. Верховской.

Принимается полугодовая подписка на 1898 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на полгода (съ 1 июля) со всѣми
приложеніями 4 р.

На годъ 6 р.

С.-Петербургъ. 17-го сентября.

Въ берлинскихъ театрахъ—въ главнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ—съ нынѣшняго сезона по общему соглашенію, устанавливается правило, по которому актеры не выходятъ на вызовы раскланиваясь передъ публикою. Очевидно, имѣются въ виду вызовы по окончаніи актовъ, потому что во время дѣйствія и не принято вызывать актеровъ. Хорошо ли это или дурно? Это хорошо, потому что уничтожаетъ клаку; это, пожалуй, имѣетъ свою дурную сторону, потому что можетъ внести въ театръ нѣкоторую сухость и разобщеніе съ публикою.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно, что во всѣхъ провинціальныхъ театрахъ, по образцу большихъ столичныхъ, слѣдуетъ упразднить выходы актеровъ во время дѣйствій. Это не только нарушаетъ сценическую иллюзію, что еще не такая бѣда, но приучаетъ актеровъ къ «нажиманію педали», выражаясь закулиснымъ жаргономъ, въ ущербъ правдѣ и художественности сцены. Отсюда—провинціальная рутина уходовъ, нестерпимая для всякаго, мало-мальски развитаго зрителя. Отсюда еще худшая рутина сценическихъ фабрикацій, при-

пасающихъ для уходовъ разныя смѣшныя или страшныя слова и разныя придуманности. Слѣдуетъ ли регулировать вызовы? Намъ кажется,—да. Вызовы не являются верховнымъ критеріемъ хорошей игры. Вызываютъ и горланятъ обыкновенно верхи, гдѣ зрѣлость сужденія рѣдко совмѣщается съ экспансивностью чувствъ и восторговъ. Случается, что вызовы относятся не къ игрѣ, а къ такъ называемымъ «хорошимъ словамъ». Между тѣмъ, благодаря этимъ молодымъ крикамъ, а часто и наемнымъ клакерамъ, создается какое-то представленіе объ «успѣхѣ», котораго можетъ вовсе и не быть. И такъ какъ мѣрило «успѣха» найдено—то многое направлено къ срыванію апплодисментовъ и вызововъ. Начинается приспособленіе сценическихъ характеровъ къ своимъ «онерамъ», tremolando ingénues, furioso героини и герои, выверты комиковъ. Начинается заигрываніе съ публикою, съ верхами, съ учащейся молодежью.

Самый порядокъ выходовъ на вызовы недостаточно регулированъ. Въ рѣдкомъ театрѣ, режиссеръ придерживается какой-нибудь опредѣленной системы, т.-е. выпускаетъ всѣхъ участвующихъ въ дѣйствіи или въ сценѣ, или только главныхъ исполнителей. Обыкновенно говорятъ: «идите», и выпускаютъ тѣхъ, которые стоятъ поближе къ кулисамъ, которые терпѣливо дожидаются антракта, не рѣшаясь перегримироваться или пересодѣваться, у которыхъ, наконецъ, хватаетъ достаточно самоуверенности для того, чтобы не бояться, что ихъ не вызовутъ и не конфузится, если это такъ случится. По нашимъ наблюденіямъ, сплошь и рядомъ, выпускаютъ наибольшее число разъ не тѣхъ актеровъ, которые этого заслужили, и не тѣхъ, которыхъ даже усерднѣе вызываютъ, а тѣхъ, которые замѣтнѣе даютъ понять, что они будутъ выходить

Апломбъ нигдѣ не играетъ такой огромной роли, какъ въ театрѣ, и нигдѣ скромность такъ не вредитъ карьерѣ...

Иногда вырабатываются обычные правила, и актеры, молчаливымъ соглашеніемъ, какъ бы вырабатываютъ порядокъ выхода на вызовы. Такъ, послѣ двукратнаго совмѣстнаго выхода, обыкновенно, выпускаютъ одного, на которомъ лежала тяжесть послѣдней сцены. Но эти старые обычаи и нравы исчезаютъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ театрахъ. И для выходовъ—существуютъ премьеры и премьерши, и режиссеръ рѣдко позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ эти дѣла.

Затѣмъ неограниченные вызовы, во-первыхъ, задерживаютъ антракты, во-вторыхъ, мѣшаютъ сосредоточенію и настроенію актеровъ. Намъ неоднократно приходилось замѣчать, какъ подъ вліяніемъ многократныхъ выходовъ, терялось прекрасное художественное одушевленіе, которое, увы, такъ рѣдко освѣняетъ исполнителей.

Мы знаемъ, что многіе актеры, привыкшіе къ апплодисментамъ и вызовамъ, скажутъ, что безъ этихъ шумныхъ знаковъ поощренія невозможно играть. Такъ говорили и тогда, когда вели пропаганду противъ выходовъ во время дѣйствія. Находили это тиранніею надъ правомъ публики „плескать руками“ и надъ заслуженными правами актера на признательность. Однако, все устроилось, и какъ видно, скорѣе къ лучшему, чѣмъ къ худшему. Думается, что скоро улеглись бы и протесты противъ отмѣны безпорядочныхъ и оскорбительныхъ для нѣкоторыхъ самолюбій выходовъ, по окончаніи дѣйствія. А польза, несомнѣнно, была бы большая.

Въ московскихъ газетахъ то и дѣло попадаются замѣтки о будущемъ театрѣ гг. Станиславскаго и Вл. Немировича-Данченка. Очевидно, москвичи интересуются этимъ дѣломъ (театръ откроется въ октябрѣ), или вѣрнѣе, новизной постановки дѣла. Здѣсь—и вѣрная до мелочей обстановка пьесъ, и заранее составленный на весь сезонъ репертуаръ, и репетиціи съ іюня мѣсяца, и конкурсное соревнованіе между исполнителями на одну и ту же роль и т. д. Между прочимъ, по сообщенію нашего харьковскаго корреспондента, г. Немировичъ-Данченко снялъ уже харьковскій, кіевскій и одесскій театры на будущій весенній сезонъ, для артистическаго турне московской труппы. Труппа двинется въ полномъ составѣ, съ сыграннымъ репертуаромъ, своими декорациями и полной обстановкой. Своего рода мейнингенцы!

Въ сущности, московская частная труппа предвосхитила эту мысль у Императорскихъ театровъ. Кому, какъ не Императорской сценѣ, слѣдуетъ являться образцомъ для провинціи? Впрочемъ, теперь заглохъ даже вопросъ о перемѣщеніи столичныхъ труппъ во время весенняго сезона. Говорили объ этомъ минувшей весной, да такъ, надо думать, проектъ и остался проектомъ. А жаль! Такое перемѣщеніе несомнѣнно оживило бы мертвый весенній сезонъ въ обѣихъ столицахъ.

Драматическое образованіе въ Россіи.

(Продолженіе *).

IV

Обратимъ теперь вниманіе на то, какимъ образомъ производится испытаніе *художественныхъ* способностей поступающихъ на курсы.

Каждому изъ участвующихъ въ испытаніи, которое происходитъ въ училищномъ театрѣ, передъ испытательной комиссіей предлагается прочесть, *наизусть* два литературныхъ образца: одинъ въ стихотворной, другой въ прозаической формѣ. Если испытываемый очень волнуется и потому плохо владѣетъ памятью, или же отказывается читать *наизусть*, мотивируя свой отказъ незнаніемъ требованій испытательной комиссіи (какъ это ни странно, но это часто случается), комиссія предоставляетъ возможность читать по книгѣ. Вообще, нужно отдать справедливость испытательнымъ комиссіямъ обонхъ нашихъ училищъ,—поступающіе не могутъ пожаловаться на суровость экзаменаторовъ... Съ деликатностью истинныхъ педагоговъ они оказываютъ всевозможное, чтобы ободрить экзаменующихся и доставить имъ средства такъ или иначе проявить свои способности... Сплошь и рядомъ случается, что не въ мѣру оробѣвшему молодому человѣку, неспособному потому сколько-нибудь сносно декламировать, во заинтересовавшему комиссію своими сценическими данными, предлагается успокоиться, прервать на время испытаніе и быть спрошеннымъ послѣ другихъ... Съ другой стороны, достаточно экзаменуемому дать двѣ—три удачныя интонаціи, чтобы уже кто-либо изъ экзаменаторовъ остановилъ исполненіе возгласомъ: „хорошо... достаточно!“.

Вообще моральная, если такъ можно выразиться, сторона вступительнаго испытанія въ нашихъ театральныя училищахъ, не оставляетъ желать лучшаго. Испытательныя комиссіи училищъ, очевидно, глубоко усвоили тотъ вполне правильный съ педагогической точки зрѣнія взглядъ, что разъ у человѣка есть желаніе быть артистомъ, есть данныя, есть, наконецъ, крупца дарованія — этого вполне достаточно, чтобы имѣть право вступить въ школу. Правильныя, систематическія занятія въ ней и внимательное изученіе учителями учениковъ своихъ опредѣляютъ уже окончательно, имѣетъ ли шансы принятый въ школу стать признаннымъ ученикомъ ея и наконецъ статистомъ. Требовать же на вступительномъ испытаніи сколько-нибудь цѣльнаго или выдержаннаго исполненія, конечно, вѣтъ никакого основанія. Вѣдь тѣ, кто вступаютъ въ школу, не только не имѣютъ опредѣленнаго понятія о приемахъ драматическаго искусства, но имъ совершенно даже не знакомы требованія художественнаго чтенія... Поэтому мы вполне раздѣляемъ взглядъ тѣхъ преподавателей драматическаго искусства, кто охотно извиняетъ отдѣльныя погрѣшности и съ любовью ищетъ въ исполненіи удачныя моменты. Изъ двухъ экзаменующихся, изъ которыхъ одинъ искушенный въ вѣкоторомъ опытѣ и успѣхѣ „любитель“ драматическаго искусства, громко и съ апломбомъ—„по театральному“ (т. е. правильно—по рутинѣ), безъ очевидныхъ ошибокъ, но и безъ оригинальныхъ „своихъ интонацій“ декламирующій эффектную тираду,—другой, безпретенціозно, какъ умѣетъ, быть можетъ, даже шероховато съ специальной точки зрѣнія передающій текстъ не бьющаго на эффектъ литератур-

* См. №№ 35, 36 и 37.

наго образа, но, во всякомъ случаѣ, „говорящій“ этотъ текстъ и способный искренно и задумчиво сказать нѣсколько фразъ,—мы, безъ колебанія, второго предпочтемъ первому. Ибо гладкость исполненія, принадлежалца первому, указываетъ только на пѣкоторый „актерскій“ навыкъ и самообладаніе: шероватость же приѣмовъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что начинающій артистъ не имѣлъ раньше возможности почерпнуть гдѣ либо первоначальныя свѣдѣнія. Школа не должна искать въ молодыхъ людяхъ, идущихъ въ нее, какихъ-либо спеціальныхъ знаній и умѣнія и какъ артистическій матеріалъ, субъектъ съ неправильной, грубоватой, но самостоятельной и не лишенной красивыхъ моментовъ читкой—болѣе желателенъ для школы, вежливъ другой—съ гладкой, но зато безцвѣтной и, такъ сказать, безличной манерой чтенія.

Намъ извѣстно не мало фактовъ, когда молодые люди, съ апломбомъ и развязностью экзаменовавшиеся на вступительномъ испытаніи и затмевавшіе своимъ исполненіемъ менѣе увѣренныхъ въ своихъ силахъ товарищей по испытанію, ко времени окончанія курса въ школѣ мѣнялись съ ними мѣстами, и изъ „опытныхъ и знающихъ“ „артистовъ“ постепенно превращались въ терявшихся на сценѣ „любителей“...

Нельзя въ виду всего этого не относиться сочувственно къ тому пункту „Положенія объ И. Т. У.“ (§ 43), по которому вступительному экзамену не придается *окончательнаго* и *рѣшающаго* значенія, и въ число дѣйствительныхъ учениковъ курсовъ зачисляются молодые люди лишь послѣ систематическаго испытанія въ теченіе полугодичнаго срока и спеціальнаго послѣ него экзамена. Дѣйствительно, опредѣлять окончательно, есть ли въ данномъ субъектѣ художественныя способности или нѣтъ,—можно только при систематическихъ занятіяхъ, при условіи внимательнаго и чуткаго отношенія преподавателя къ успѣхамъ ученика. Вотъ почему мы не можемъ согласиться даже съ полугодичнымъ срокомъ, который отводится для испытанія.

Не говоря о томъ, что ученикъ не успѣваетъ освоиться со школою, учителемъ, товарищами, всей вообще школьной обстановкой и чувствуетъ себя первое время не совсемъ свободно, этотъ срокъ представляется намъ еще неподходящимъ, главнымъ образомъ, потому, что во всякомъ рационально-поставленномъ преподаваніи драматическаго искусства онъ уходитъ на такіе чисто техническія и, стало-быть, мало выясняющія художественныя способности ученика—курсы, какъ постановка звука и голоса. Особенно странными и мало объясняющими дѣло кажутся намъ официальные экзамены учащихся 1-го курса передъ конференціей училища послѣ перваго полугодія. Учащіеся проходили технику художественнаго чтенія, между тѣмъ какъ экзаменуютъ ихъ въ отношеніи ихъ художественныхъ способностей. Еще учитель при извѣстной педагогической и художественной чуткости, въ теченіи занятій, когда и при дискуссіяхъ упражненіяхъ не обходится безъ нѣкоторыхъ задачъ декламационнаго характера, могъ до извѣстной степени убѣдиться въ наличности у своихъ учениковъ артистическихъ способностей; по какимъ образомъ можетъ объ этомъ судить конференція? Да и съ чѣмъ возможно выступать на такомъ экзаменѣ учащимся?

Въ результатѣ классъ преподавателя, руководствующагося систематическимъ взглядомъ на дѣло, появляется на эстрадѣ школьнаго театра съ такимъ примитивнымъ артистическимъ багажомъ, какъ декламация басенъ и описательныхъ отрывковъ; классъ же преподавателя, не слѣдующаго въ своемъ пре-

подаваніи какой-либо опредѣленной системѣ, представляется обыкновенно испытательной комиссіи въ рядѣ болѣе или менѣе выигрышныхъ въ художественномъ отношеніи декламационныхъ образцовъ, хотя учащіеся не успѣли еще ознакомиться съ азами декламации и драматическаго искусства. Особенно въ смыслѣ постановки звука и голоса.

Несравненно поэтому цѣлесообразнѣе, оставивъ главный смыслъ § 43-го неприкосновеннымъ, испытательный срокъ поступившихъ на курсы съ половины учебнаго года продлить до цѣлаго года. Въ теченіи 8 учебныхъ мѣсяцевъ учащіеся, особенно въ классѣ преподавателя, придерживающагося систематическаго прохожденія курса успѣютъ освоиться со всею обстановкой учебнаго дѣла и приобретутъ полную возможность, экзаменуясь изъ *проединнаго курса*, предстать передъ испытательной комиссіей въ концѣ года или еще лучше въ началѣ слѣдующаго—послѣ лѣтнихъ вакацій, съ достаточно отвѣтственной по своей сложности художественной работой. Тогда испытательная комиссія въ состояніи будетъ критически отнестись къ результатамъ и, опредѣливъ степень художественнаго развитія учениковъ за годъ, тѣмъ самымъ окончательно рѣшитъ вопросъ, имѣютъ ли они право на зачисленіе въ комплектъ дѣйствительныхъ учениковъ школы.

Соображеніе, что ученикъ, не прошедшій удовлетворительно испытанія и принужденный потому оставить школу, потерялъ даромъ годъ вмѣсто полугода,—не имѣетъ прочнаго основанія. Выйди изъ школы въ январѣ, такой ученикъ все-равно не имѣлъ бы возможности поступить въ какое-либо другое учебное заведеніе, такъ какъ, среди учебнаго года приѣма въ учебныхъ заведеніяхъ нигдѣ почти не бываетъ,—это во-первыхъ; во-вторыхъ, и—это самое главное,—школа должна имѣть въ виду прежде всего успѣхъ дѣла, успѣхъ увѣренныхъ ей обществомъ питомцевъ, не взирая ни на какія побочныя соображенія...

Въ нашихъ казенныхъ Драматическихъ Курсахъ заведенъ такой порядокъ, что присужденіе стипендіи, равно какъ и освобожденіе отъ платы предоставляется ученикамъ 1-го курса лишь по провѣрочномъ полу-годовомъ испытаніи. Съ примѣненіемъ же того порядка, о которомъ мы только-что говорили, было бы очень обременительно для тѣхъ изъ новичковъ, которые не пользуются матеріальнымъ достаткомъ, дожидаться помощи со стороны училища въ теченіе всего 1-го курса. Поэтому было бы справедливо право на полученіе стипендіи или, по крайней мѣрѣ, освобожденіе отъ платы предоставить учащимся 1-го курса съ момента поступленія въ школу,—на основаніи лишь личнаго ходатайства учащихся и успѣховъ оказанныхъ ими на вступительномъ испытаніи.

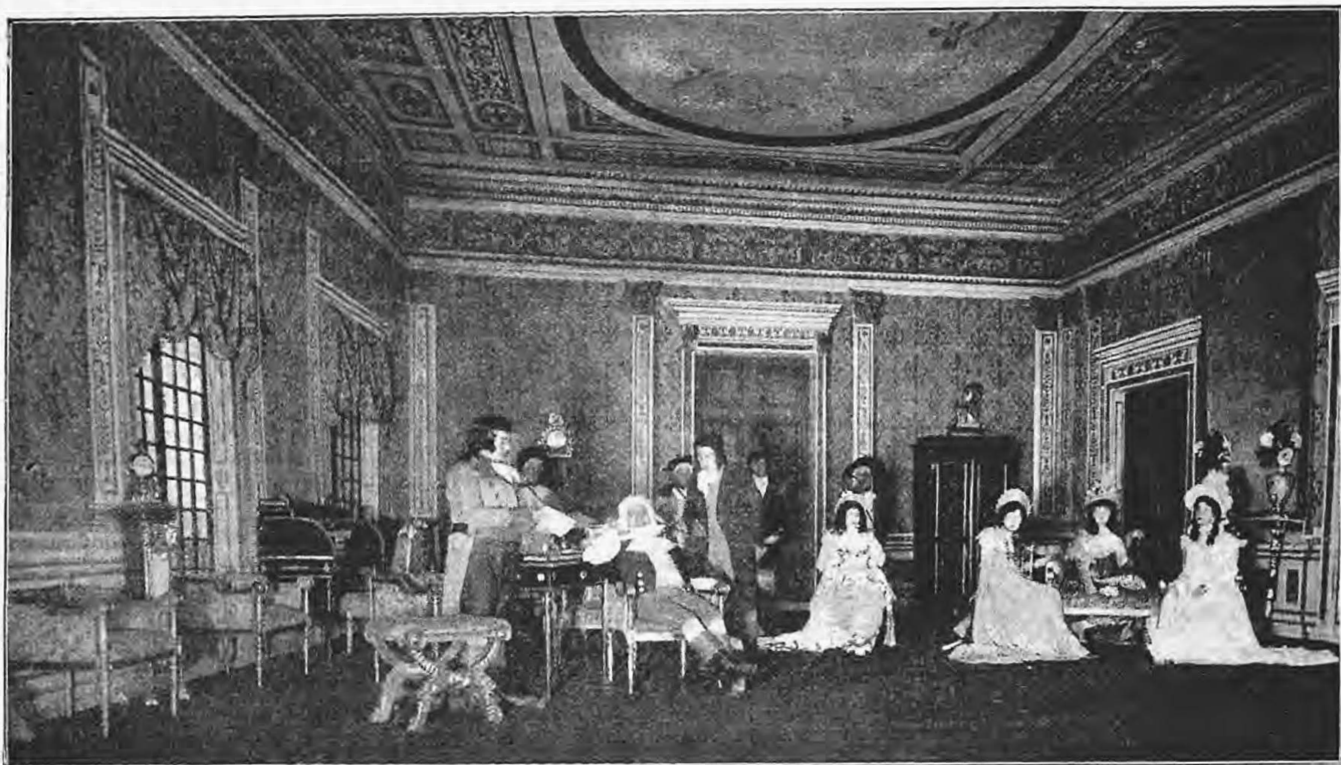
Сама практика дѣла показала жизненность такого порядка: вотъ уже два года, какъ дирекція Императорскихъ театровъ разрѣшаетъ курсамъ ежегодный спектакль для основанія при нихъ фонда, изъ котораго между прочимъ выдаются пособія ученикамъ 1-го семестра, которые лишены возможности пользоваться льготами, предоставленными остальнымъ пяти семестромъ.

Ю. Озарскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.

«Памела» (1 дѣйствіе).

„Юность“.

Въ четвергъ, 17 сентября, въ Михайловскомъ театрѣ въ первый разъ была дана переводная трехактная драма Макса Гальбе „Юность“. Первая пьеса молодого писателя, она, какъ извѣстно, имѣла большой успѣхъ въ Германіи и сразу сдѣлала автора „пменемъ“. Въ этомъ ея права на вниманіе. Напомнимъ вкратцѣ ея содержаніе (пьеса была напечатана приложеніемъ къ „Т. и Иск.“).

Юный, восемнадцатилѣтній студентъкъ перваго семестра пріѣзжаетъ весной на нѣсколько дней въ гости къ своему дальнему родственнику, деревенскому пастору, и въ его домѣ встрѣчается съ молоденькой дѣвушкой, племянницей пастора, сиротой, своей ровесницей, съ которой они когда-то дѣтми играли вмѣстѣ, но съ тѣхъ поръ не видѣлись...

Молодые люди встрѣчаются на „вы“, но сейчасъ же переходятъ на „ты“ и къ концу перваго акта объясняются въ любви и цѣлуются. Дальнѣйшія событія слѣдуютъ не менѣе быстрымъ аллюромъ и черезъ день по пріѣздѣ гости, въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ, молодая дѣвушка ночью отправляется на свиданіе къ молодому человѣку въ его комнату и отдается ему.

Объ этомъ узнаетъ пасторъ. Онъ призываетъ молодого человѣка, читаетъ ему нотацию и приказываетъ немедленно уѣхать, съ тѣмъ чтобы черезъ четыре года, окончивъ университетъ, вернуться обратно и загладить свою вину передъ дѣвушкой, женившись на ней. Молодые люди прощаются другъ съ другомъ и это прощаніе естественный конецъ драмы. Заставляетъ пдіота, брата дѣвушки, убивать сестру изъ ружья выстрѣломъ, предназначавшагося студенту рѣшительно не за тѣмъ. Драма отъ этого не становится драматичнѣе. Скорѣе наоборотъ.

Пьеса можетъ нравиться своей простотой, незамысловатостью содержанія, ясностью и несложностью выведенныхъ въ пей лицъ. Хочется думать, что если не фабула пьесы, то дѣйствующія лица взяты авторомъ изъ дѣйствительной жизни.

Но уже и изъ короткаго пересказа содержанія видно, въ чемъ заключается главный недостатокъ пьесы. Эго тотъ недостатокъ — та прямо невѣроятная ниспѣнность, съ которой юные грѣшники поторопятся устроить свое грѣхонадеіе.

Ни темпераментъ молодыхъ людей, ни ихъ воспитаніе, ни образъ жизни не даютъ повода допустить что либо подобное. Люди, вся обстановка, всѣ условія окружающей жизни способны скорѣе задержать, чѣмъ способствовать развитію возникшей страсти. Наконецъ, вмѣстѣ проведенное дѣтство и неразлучныя съ этимъ воспоминанія

располагаютъ молодыхъ людей, по крайней мѣрѣ, первое время послѣ встрѣчи, смотрѣть другъ на друга глазами дружбы, а не любви. Что же въ данномъ случаѣ съ такою стремительностью, чуть не со скоростью вынужденной изъ ружья пули, заставило ихъ броситься въ объятія другъ друга? Непонятно. Одно слово, „юность“ ничего не объясняетъ. Въ восемнадцать лѣтъ всѣ одинаково юны, но не всѣ проводятъ свою юность одинаково. Но, быть можетъ, передъ нами не нормальная молодая страсть, а явленіе патологическаго характера? У дѣвушки братъ форменный пдіотъ, объясняющійся не столько фразами, сколько отрывчатыми словами. Съ матерью дѣвушки въ молодости случился тотъ же грѣхъ, что теперь съ дочерью (дѣвушка — дитя до-брачнаго увлеченія матери). Въ такомъ случаѣ, если авторъ думаетъ создать свою драму на почвѣ психоза, ему не слѣдовало изображать дѣйствующихъ лицъ людьми здоровыми. И молодой человѣкъ, и молодая дѣвушка, по видимому, вполне нормальны и ужъ совсѣмъ не безпирравственны. Вопросъ, слѣдовательно, остается открытымъ. Благодаря этому недостатку, интересъ къ пьесѣ, пропадаетъ, авторъ утрачиваетъ кредитъ и иллюзіи отъ игры артистовъ не получается никакой. Смотришь на терзанія дѣйствующихъ лицъ въ послѣднемъ дѣйствіи и не вѣришь имъ. Сидишь и думаешь: „Да, конечно, все это очень трогательно. Но, вѣдь, на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ. Это они такъ только, притворяются, пьесу доигрываютъ!“

Что касается исполненія, то надо сознаться, что пьеса легче читается, чѣмъ смотрится. Духъ скуки взялъ большинство исполнителей подъ свое покровительство. Объ ансамблѣ не было и помину, хотя въ пьесѣ всего лишь роли. Положимъ, играла г-жа Коммиссаржевская. Но г-жа Коммиссаржевская и ансамбль пьесы не такіе ужъ враги между собой, чтобы имъ не было мѣста на одной и той-же сценѣ, въ одной и той же пьесѣ. Г-жа Коммиссаржевская въ роли Анхень была очень мила и играла не хуже, чѣмъ всегда. Быть можетъ, даже лучше обыкновеннаго. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ въ ея исполненіи не было замѣтно пустыхъ мѣстъ, которыми пестрѣютъ другія роли, игранныя этой артисткой, чередуясь съ мѣстами удачными, съ прелестными отрывчатыми моментами, съ превосходно сказанными отрывчатыми фразами. Тѣмъ не менѣе заставить зрителя забыть о той фальши, которую авторъ награждалъ свою героиню, артистка не могла. Г. Аполлопскій тяжело ватъ для роли Ганса, своей фигурой весьма мало напоминавъ фигуру мальчишка-студента. Это относительно виѣшности. Что касается моральнаго облика, то артистъ, въ противорѣчіе съ авторомъ,

придалъ Гансу черты чувствительности и страстности. Безспорно, этимъ онъ до известной степени объяснилъ приключившійся съ молодыми людьми прискорбный фактъ, сдѣлавъ его болѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, но элементъ наивности и чистоты, которымъ несомнѣнно проникнута пьеса, оказался утраченнымъ. Вообще положеніе артиста въ этой роли не изъ легкихъ: ему приходится выбирать между Сциллой и Харибдой. Г. Дозимовъ способный, хоротій комикъ и роль канлапа, гдѣ о комизмѣ нѣтъ и рѣчи, не въ характерѣ его дарованія. Какъ умный и опытный актеръ, онъ не могъ, конечно, испортить роли совершенно, но тѣмъ не менѣе не сдѣлавъ ничего характернаго изъ вполне ясной фигуры молодого фанатика, во имя духа объявившаго войну тѣлу и въ то же время, какъ будто, не совсемъ равнодушнаго къ молодой дѣвушкѣ, которую, во избѣжаніе соблазна, готовъ упрятать въ монастырь.

Поставлена пьеса—(во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ одна и та же декорация)—такъ, какъ обыкновенно ставятся пьесы на императорскихъ сценахъ, т. е. вполне хорошо.

Л. Фоломьевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

16 сентября открылся „Русскій драматическій театръ“ подъ дирекцію А. В. Амфитеатрова. О составѣ труппы мы уже сообщали. Говорятъ, что приглашены еще И. И. Судбининъ и С. Я. Семеновъ-Самарскій. Труппа, во всякомъ случаѣ, вполне достаточная для того, чтобы запясть въ Петербургѣ опредѣленное положеніе. Все дѣло въ томъ, какъ ее повести и какой репертуаръ возложить на ея плечи.

Для открытія шелъ „Счастливецъ“ Вл. И. Немировича-Данченко. Г-жи Холмская, Брянская-Коврова, гг. Бастуновъ и Скуратовъ — старые знакомцы Петербурга. Отмѣтимъ большіе успѣхъ г-жи Холмской, встрѣченной дружными аплодисментами. Г. Бастуновъ игралъ очень просто и мягко, но думается, далъ мало мужского кокетства. Эта роль — grand coquet, если не grand coquin. Г. Скуратовъ, въ роли Чардына, стяжалъ рукоплесканія.

Г-жа Райская очень подходитъ къ роли Лсеновой — и

фигурою, и лицомъ, и голосомъ, и манерами. Слѣды хорошей школы замѣтны на ея исполненіи, и можно надѣяться, что роли, не требующія яркаго драматизма, найдутъ въ ней даровитую и симпатичную исполнительницу. Много хорошаго можно сказать также про г. Бѣликовича, молодого и кажется, очень толковаго комика. Сборъ былъ хорошии.

Для второго спектакля шелъ возобновленный зачѣмъ-то „Гражданскій бракъ“ Чернышева. У г. Скуратова въ этой пьесѣ прекрасная роль, въ которой онъ имѣлъ значительный успѣхъ, такъ же, какъ и г-жа Райская. О дебютахъ гг. Басмановъ и Яковлевъ-Востокъ поговоримъ особо въ слѣдующемъ номерѣ. Сборъ на „Гражданскомъ бракѣ“ былъ очень слабый, частью потому, что гражданскимъ бракомъ нынче никого не удивишь, частью потому, что 17 числа было много именинницъ и предпочтѣли имѣть „Гражданскій бракъ“ — значить нанести имъ кровное оскорбленіе.

По понедѣльникамъ въ „Русскомъ драматическомъ театрѣ“ предполагаются новинки. Въ понедѣльникъ, 21 сентября, идетъ „Баба“ кн. Голицына и В. Тихонова; въ слѣдующій „Пиръ Вальтасара“, новая пьеса г. Антропова (сына автора „Взбѣдающихъ огней“), въ понедѣльникъ, 5-го октября, „Сплетня“. Въ пятницу, на пятнадцатой недѣлѣ для дебюта г. Форкати идутъ „Цѣни“ кн. Сумбатова.

А. П.

* * *

Дополняемъ нашу замѣтку о г-жѣ Цванцигеръ. Изъ числа ученицъ г-жи Цванцигеръ можно привести цѣлый рядъ выдающихся именъ на петербургской и московской сценахъ, а также и въ провинціи. Черезъ ея руки прошли многія артистки, оставившія свои имена въ лѣтописяхъ нашего опернаго театра. У нея учились покойныя контральто Маринской сцены: Бичурина и Вережкина, столь памятные петербургскимъ театраламъ по красотѣ голоса и таланта; у нея занимались теперешнія сопрано московскаго Большаго театра г-жа Дейша-Сіоницкая, Салина, контральто тоже московскаго театра г-жа Звягина, затѣмъ г-жи Добровольская и Бузль (бывшія пѣвицы нашей Маринской сцены), Невельская (въ Кіевѣ), Данковская и др. Всѣ отличались прекрасною піколою, увѣренной обработкою своего матеріала и встрѣтили въ своей руководительницѣ заботливое отношеніе не только къ развитію ихъ дарованія, но рѣдкое участіе къ дальнѣйшей всей ихъ карьерѣ, качество цѣнное въ профессорѣ и къ сожалѣнію вовсе не часто встрѣчающееся. Безъ сомнѣнія, всѣ ученицы г-жи Цванцигеръ сохранили о ней лучшую память какъ о человѣкѣ и профессорѣ; и безъ сомнѣнія всѣ, кто зналъ о ней ея артистическаго празднества, сердечно присоединили свои поздравленія къ поздравленіямъ ея товарищей по консерваторіи.

* * *

«Памела» (7 дѣйствіе).

совъ Рапгофъ» А. А. Нильскаго приглашенъ преподаватель Императорскаго театральнаго училища, артистъ Имп. театр. В. И. Петровъ.

* *

Извѣстный петербургской публикѣ по спектаклямъ Павловскаго театра, г. Михайловичъ-Дольскій ангажированъ на предстоящій зимній сезонъ въ Ярославль, въ труппу г. Коррали-Торцова.

* *

Въ Таврическомъ саду на сценѣ «осенняго» театра съ большимъ успѣхомъ шли «Не въ деньгахъ счастье» — Чернышева и «Ревизоръ».

* *

Г-жа Гадингъ выѣзжаетъ изъ Парижа въ Брюссель 30-го сентября. Въ Брюсселѣ начнется ея турнѣ по Европѣ. У насъ, въ Россіи, спектакли ея начнутся съ Одессы, затѣмъ она посѣтитъ Кіевъ, Харьковъ, Москву и Петербургъ. Первый спектакль ея въ Одессѣ назначенъ на 17-е октября. Вмѣстѣ съ Гадингъ пріѣдетъ полная труппа изъ 30 человекъ, составленная, изъ артистовъ парижскаго театра «Gympase».

* *

Въ Министерствѣ Земледѣлія въ настоящее время, по словамъ газетъ, находится на разсмотрѣніи особый проектъ устройства технико-музыкальной школы, задача которой будетъ состоять въ подготовленіи мастеровъ для производства музыкальных инструментовъ, съ цѣлью обученія вполнѣ слѣдствія мѣстныхъ кустарей болѣе усовершенствованнымъ способамъ производства различныхъ музыкальных инструментовъ.

* *

Мы получили отъ издателя сборника «Призывъ» г. Гарина-Виндинга, просьбу напечатать письмо къ провинціальнымъ товарищамъ:

Близко соприкасаясь съ бытомъ русскихъ провинціаль- ныхъ актеровъ, я не могъ не придти къ убѣжденію, что всѣ сочувствующіе театральному дѣлу должны посодѣйствовать добродушному начинанію, которое имѣло бы цѣлью обезпечить русскаго сценическаго дѣятеля на случай болѣзни или безпомощной старости. Еще въ 1894 году у меня зародилась мысль составить и издать литературный сборникъ, чтобы положить начало составленію капитала для означенной цѣли. Желая привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, какъ можно болѣе литературныхъ силъ, въ № 115 (отъ 28 апрѣля 1894 г.) «Русскихъ Вѣдомостей» я напечаталъ письмо, адресованное русскимъ литераторамъ и ученымъ съ просьбой принять участіе въ литературномъ сборникѣ. Въ ихъ средѣ оказалось немало людей съ добрымъ сердцемъ, сочувственно отозвавшихся на мой скромный призывъ. Собраніе и разсмотрѣніе присланнаго матеріала заняло не мало времени и не давало возможности

выпустить въ свѣтъ сборникъ «Призывъ» ранѣе перваго все- російскаго съѣзда сценическихъ дѣятелей.

Считаю своимъ священнымъ долгомъ принести глубочай- шую благодарность: 1) Лицамъ давшимъ матеріалъ для сбор- ника. 2) Профессорамъ — А. Н. Веселовскому, А. И. Кирпич- никову, О. Е. Коршу, Н. И. Стороженко, взявшимъ на себя нелегкій трудъ разсмотрѣнія матеріала 3) Артистамъ Импе- раторскихъ петербургскихъ и мо- сковскихъ театровъ, которые первые явились подписчиками на издавае- мую книгу. 4) Редакціямъ журна- ловъ и газетъ, и редакціи «Ежегод- ника Императорскихъ театровъ», пе- чатавшимъ gratis объявленіе о сбор- никѣ. 5) Товариществу типографіи Левенсонъ, за печатаніе gratis объ- явленій о выходѣ книги; и нако- нецъ, 6) той части читающей пуб- лики, которая первая откликнулась на нашъ призывъ и тѣмъ дала скорѣйшую возможность окупить рас- ходы по изданію.

Теперь издателю, какъ бывшему провинціальному актеру, остается обратиться къ своимъ провинціаль- нымъ товарищамъ: будучи агентомъ «состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Император- скаго Величества Государя Импера- тора Русскаго Театральнаго обще- ства», со дня его основанія, я не могъ не натолкнуться на картины ужасной нужды и тяжелыхъ случай- ностей въ жизни моихъ товари-

шей, — случайностей, отъ которыхъ никто не застрахованъ! Товарищи актеры! Напоминаю вамъ, что отъ васъ, въ значи- тельной степени, зависитъ избавить старика-актера, иногда инвалида, отъ тяжелаго конца! Для этого необходимо всѣми силами стараться ускорить составленіе пенсіоннаго капитала при «Русскомъ Театральномъ обществѣ» (см. § 3 устава общества). На эту же цѣль идетъ и значительная часть сбора съ изданной мною книги. Всюду найдутся люди съ добрымъ сердцемъ, которые откликнутся на призывъ, если только имъ укажутъ большую пользу даже малѣйшаго даянія. Просить для другихъ не стыдно. Теперь расходъ по изданію «Призыва» окупленъ, и всякій лишній рубль цѣликомъ поступаетъ со- гласно указанію, помѣщенному въ предисловіи въ книгѣ. Вдвойнѣ дорогъ тотъ даръ, который дается во время!

Издатель сборника «Призывъ» Д. Гаринъ-Виндингъ.

* *

Объ исполненіи «Вѣшенныхъ денегъ» на сценѣ театра Литературно-артистическаго Кружка въ газетахъ нахо- димъ, по обыкновенію, самыя разнорѣчивыя сужденія. Вотъ что, напримѣръ, пишутъ объ исполненіи г. Бравичемъ роли Василькова:

Роли въ пьесѣ Островскаго были распределены между, такъ называемыми, «лучшими силами» кружковской труппы, хотя нельзя сказать, чтобы совсѣмъ удачно. Такъ только ка- кимъ-то недоразумѣніемъ можно считать передачу роли Ва- силькова г-ну Бравичу. Несмотря на очевидное стараніе г.

Г-жа Будкевичъ.

Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ).

В. А. Тихоновъ.

† Г-жа Дарвилъ.

Бравича, онъ ничего яркаго и цѣльнаго дать не могъ и даже въ удивительной по драматическому напряженію заключительной сценѣ четвертаго дѣйствія, онъ не произвелъ равно никакого впечатлѣнія. («Новости»).

Въ такомъ же родѣ отзывъ „Пет. Листъ“:

Васильковъ не вполне удался г. Бравичу. Артистъ сбивался съ тона, съ манеры разговора; мѣстами Васильковъ былъ естественъ, типиченъ, но въ общемъ онъ не вышелъ такимъ дѣловитымъ (?), простымъ, сердечнымъ и любящимъ, какимъ обрисовалъ его талантъ (sic) Островскаго. Слабѣ всего вышли у г. Бравича сцены нѣжныхъ объясненій Василькова съ Лидіей и тѣ сильно драматическіе моменты, когда Васильковъ, узнавъ о бѣгствѣ жены, рѣшается на самоубійство.

За то „Бирж. Вѣдом.“ въ восторгѣ:

Г. Бравичъ удивительно вѣрно, правдиво и просто передалъ типъ россійскаго Петруччіо. Это — чудный талантъ съ большой будущностью. Жаль только, что его загромировали скорѣе евреями, чѣмъ русакомъ.

Положеніе г. Бравича, который добросовѣстно прочиталъ всѣ отзывы?..

* * *

Г. Авсѣенко въ „Пет. Газ.“ дѣлится своими впечатлѣніями о московскомъ Маломъ театрѣ. Сначала о туалетахъ артистокъ

Небрежность по туалетной части проникла и въ московскіе театры. Не знаю, что дѣлается на частныхъ сценахъ, но артистки Малаго театра могутъ похвалиться чѣмъ угодно, только не умѣніемъ одѣваться. Я видѣлъ ихъ въ день открытія, 1-го сентября, въ пьесѣ Островскаго «Волки и овцы», дающей нѣкоторую возможность блеснуть туалетами. Но московскія артистки не блеснули. Г-жа Ермолова 2-я, игравшая молодую богатую вдову, осталась всѣ пять актовъ въ одномъ и томъ же скромномъ старушечьего вкуса туалетѣ, тогда какъ любая петербургская актриса въ этой роли переодѣлась бы по крайней мѣрѣ три раза. Г-жа Лешковская, которой богатая молодая вдова предоставляетъ выбрать любое платье изъ ея гардероба, и которая раньше вращалась въ веселящихся петербургскихъ кружкахъ, и слѣдовательно видѣла, какъ одѣваются, выбираетъ красную юбку съ краснымъ корсажемъ самаго провинціального тона и самой умѣренной стоимости. Г-жа Федотова тоже остается въ продолженіи всего спектакля въ одномъ и томъ же туалетѣ.

Объ исполненіи артистовъ г. Авсѣенко очень высокаго мнѣнія:

Если взять одинъ мужской персоналъ, то трудно представить себѣ лучшее исполненіе далеко не лучшей пьесы Островскаго «Волки и овцы». Не только были превосходны гг. Ленскій, Южинъ, Садовскій, но и ни одна выходная роль не была ступевана. Получился настоящій классическій ансамбль «высокой комедіи». Располагая труппа такимъ же женскимъ персоналомъ, и Малый театръ можно было бы назвать не только лучшимъ въ Россіи, но и однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, именно, этому условію московская труппа не удовлетворяетъ. Какъ было раньше, въ самыя цвѣтущія времена, такъ и теперь: женскій персоналъ труппы далеко не стоитъ на уровнѣ мужского.

Я знаю, что касаюсь очень щекотливаго вопроса. Если москвичи превозносятъ свой театръ, то своихъ артистокъ они прямо «обожаютъ». Г-жи Федотова, Ермолова, Лешковская для нихъ — нѣчто священное и неприкосновенное. Сохрани Богъ сказать при москвичѣ, что дикція г-жи Федотовой однообразна своей тягучей пѣвучестью, что г-жа Ермолова, бывшая декламируетъ, чѣмъ играетъ, и что кокетливость г-жи Лешковской отзывается провинціализмомъ. Но я бесѣдную съ петербургскимъ читателемъ, которому можно сказать правду, — т. е. то, что я считаю правдой. По моему личному впечатлѣнію, премьерши Малаго театра, рядомъ съ его премьерами,

представляютъ нѣчто второстепенное. Такихъ полныхъ, глубокихъ и тожныхъ талантовъ, какъ гг. Ленскій, Южинъ, Садовскій, между московскими артистками нѣтъ. Г-жа Федотова, разумѣется, прекрасная артистка, но она уже, видимо, устала и дѣлаетъ не особенно много для созданія роли.

У г-жи Лешковской больше всѣхъ замѣчается свѣжести и гибкости. Но вкуса, того внѣшняго вкуса, который необходимъ для ея ролей, и которымъ съ избыткомъ обладаютъ французскія артистки, у нея какъ будто нѣтъ, и потому ея кокетство и грація отзываются, какъ я сказалъ, нѣкоторымъ провинциализмомъ.

Все это было напечатано у насъ въ прошломъ году, и за это мы были преданы апафемѣ на столбцахъ нѣкоторыхъ частью не искреннихъ, частью неумныхъ газетъ. Въ мѣсяцъ г. Авсѣенко мы оспариваемъ только пунктъ насчетъ г-жи Ермоловой. Г-жа Ермолова декламируетъ только тогда, когда у нея нѣтъ настроенія. Декламаторшей же ее назвать нельзя, хотя бы по одному тому, что въ ея декламации нѣтъ школы.

Библиографія.

„Незамѣтныя драмы“, „Млечный путь“, „Страсть“ и другіе рассказы В. В. Уманова-Каплуновскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р 50 к.

Передъ нами весьма изящная книжка рассказовъ молодого писателя В. В. Уманова-Каплуновскаго, на-дняхъ появившихся на книжномъ рынкѣ подъ заглавіемъ: „Незамѣтныя драмы“. Для сборника, заключающаго въ себѣ около 20-ти рассказовъ, заглавіе придумано недурно. Предметы рассказовъ Уманова-Каплуновскаго — ежедневныя мелочи, но изъ этихъ мелочей оказывается сотканной и вся наша жизнь. Познакомьтесь со «страстью» Максима Герца, съ «горемъ» маленькой Оли, и вы убѣдитесь, что г. Умановъ-Каплуновскій умѣетъ перѣдко съ интересомъ передавать наблюденія надъ жизнью. Авторъ недурно владѣетъ формой и первый опытъ г. Уманова-Каплуновскаго нельзя не признать удачнымъ. А. У.

„Фераморсъ“.

Изъ новинокъ, назначенныхъ къ постановкѣ, въ теченіе настоящаго сезона, на сценѣ Маріинскаго театра, первую поставлена была 15-го сентября опера „Фераморсъ“ Рубинштейна, написанная въ 1862 году и съ тѣхъ поръ обобедшій многія сцены заграничю

† Г-жа Дарвилъ.

и у насъ, въ провинціи. Итакъ, потребовались прожекторъ въ тридцать шесть лѣтъ и смерть автора, чтобы опера одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ композиторовъ удостоилась наконецъ на сцену, призванную радѣть о національномъ искусствѣ. Фактъ этотъ, кажется, не нуждается въ комментаріяхъ... Но не будемъ предаваться безполезнымъ сѣтованіямъ о невозвратномъ прошломъ. Если дирекція рѣшилась, наконецъ, почувать свою вину по отношенію къ памяти музыкальнаго художника, прославленнаго русское имя во всемъ мірѣ, то забудемъ прежніе грѣхи и посмотримъ, что сдѣлано было для искупленія тяжелой несправедливости въ настоящемъ. Увы, очень немного. Мы недавно говорили о постановкѣ „Фераморса“ на сценѣ „Аркадіи“ и, сокрушаясь по поводу изъясновъ, обусловливаемыхъ ограниченными средствами частной лѣтней антрепризы, выражали надежду, что опера Рубинштейна будетъ, по крайней мѣрѣ, достойно представлена на нашей образцовой сценѣ. Но оказалось, что постановка скромнаго товарищества способна была доставить большее художественное удовлетвореніе, чѣмъ казенная сцена, располагающая поразительно роскошью обстановочныхъ средствъ, безподобнымъ оркестромъ, образцовымъ хоромъ и солдатами, среди которыхъ, что ни говори, сосредоточивается соль русской оперной семьи. Обусловливается ли это болѣе скромными размѣрами дѣятія театра и болѣе снисходительнымъ отношеніемъ публики къ исполненію частной труппы, или иными причинами — не знаемъ, но фактъ остается фактомъ и съ недоумѣніемъ приходится констатировать, что артисты аркадійскаго товарищества сумѣли рельефнѣе выдвинуть художественныя красоты рубинштейновскаго произведенія и дать о немъ болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ хваленые исполнители казенной сцены. Спектакль 15 сентября произвелъ на слушателей блѣдное впечатлѣніе, и всѣ тѣ, кто не былъ знакомъ съ „Фераморсомъ“ по аркадійскому исполненію или путемъ тщательнаго изученія партитуры, покинули театръ въ полномъ убѣжденіи, что опера эта принадлежитъ къ наиболее слабымъ произведеніямъ творца „Демона“. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, опера, по справедливости, должна быть причислена къ разряду замѣчательныхъ и интересныхъ образцовъ опернаго творчества.

Однимъ изъ наиболее яркихъ достоинствъ оперы слѣдуетъ признать необыкновенную ясность письма, при крайней сложности и разнообразіи художественныхъ замысловъ. Несмотря на то, что „Фераморсъ“ принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Рубинштейна, композиторъ обнаруживаетъ въ этой оперѣ такое богатство художественныхъ намѣреній, такое углубленное стремленіе къ правдѣ сценическаго и музыкальнаго выраженія, который являются далеко необычными для его времени. И при всемъ томъ, какая простота фактуры, прозрачность мыслей и выдержанность настроенія! Избравъ сюжетомъ своего опернаго либретто любовную эпопею, разыгрывающуюся въ долинахъ Камемира, Рубинштейнъ сумѣлъ придать произведенію яркій восточный колоритъ, плѣняющій причудливою и оригинальною красотой. Восточный колоритъ, вообще, конечно, Рубинштейна и въ этой области у него мало соперниковъ. Какъ на одну изъ особенностей оперы, слѣдуетъ указать на удачное совмѣщеніе серьезнаго элемента съ комическимъ, который пахочитъ себѣ яркое, а порою и оригинальное выраженіе въ роли Фадладина и финалѣ пераго дѣйствія. Роль Фадладина въ первомъ дѣйствіи обращаетъ на себя вниманіе богатствомъ выраженія и естественностью декламации, достойнымъ Мопарта, но въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ комизма ради переходитъ въ балаганъ, и мелодическое выраженіе становится чересчуръ скупымъ, исчерпывалось почти исключительно ходами въ квинту и октаву. За то финалѣ пераго дѣйствія задумавъ и исполненъ блестяще. За сценою раздается призывъ муэдзина къ молитвѣ и въ то время, какъ всѣ онускаются на колѣни, подъ звуки молитвы начинаются любовныя танцы Фадладина, Хозру и Ферморса. Молитвенныя речитативы хора чередуются съ изліяніемъ влюбленныхъ, эффектно прерываясь разнообразно гармонизованными аккордами призыва муэдзина. Контрастъ разнообразныхъ настроеній производитъ восхитительное впечатлѣніе. Мимоходомъ замѣтимъ, что контрастъ этотъ на Марининской сценѣ вовсе не былъ отътененъ, вслѣдствіе чего весь эффектъ финала пропадалъ. Легкій комическій отбѣнокъ сквозитъ въ роли Хафизы, бойкой и игривой панереницы Лалла-Рукъ. Вся опера пропнута вѣжливымъ, лирическимъ и элегическимъ настроеніемъ. Ферморсъ, пѣвецъ любви и свободы, недоступенъ никакимъ изліяніямъ, кромѣ томной грусти. Такимъ же лирическимъ характеромъ отличается партія Хозру. Большие разнообразія въ партіяхъ представителницъ прекраснаго пола. Такъ, изліянія Лалла-Рукъ порою, хотя и весьма рѣдко, приобретаютъ легкій драматическій характеръ, а роль Хафизы не лишена, какъ мы видѣли, примѣса комическаго элемента. Но, въ общемъ, основной тонъ всѣхъ

партій — лирический, и это придаетъ оперѣ нѣкоторое однообразие, скрашиваемое, впрочемъ, искренностью вдохновенія и выдержанностью настроенія. Изъ сольныхъ номеровъ отмѣтимъ пѣсню Пері въ 1-мъ дѣйствіи, напоминающую, по характеру музыки и настроенію, „Азру“ того же композитора. Во второмъ дѣйствіи заслуживаетъ вниманія прелестная арія Лалла-Рукъ („Священная почта“), проникнутая сердечною теплотой и глубокою чувствъ. Оригинальна тема Фадладина и не лишена интереса любовный дуэтъ Лалла-Рукъ и Ферморса и дуэтъ Лалла-Рукъ и Хафизы во второмъ дѣйствіи, хотя здѣсь мелодическій рисунокъ порою терпитъ ясность очертаній.

Но, безусловно, лучшимъ сравненію оперы представляють хоры и массовыя ансамбли. Торжественно и величаво звучатъ хоры вступленія и невѣсты въ первомъ дѣйствіи. Знойною пѣгю проникнуты хоры дѣвушекъ въ первой картинѣ третьяго дѣйствія. Сцена хора, сбѣгающагося на воши Фадладина о помощи, написана съ блестящимъ мастерствомъ и тема въ оркестрѣ (на органномъ пункті), разработанная симфонически, производитъ чарующее впечатлѣніе. О танцахъ въ Ферморсѣ и говоритъ нечего. Это лучшіе номера оперы. Въ нихъ красота темъ соединяется съ оригинальностью колорита и виртуозностью обработки. Изъ трехъ номеровъ танцевъ второй самой красивой. Они написаны необыкновенно сочно, ярко и колоритно. Вообще, первое дѣйствіе наиболее удачное. Вторая картина послѣдняго дѣйствія страдаетъ недостаткомъ и, повидимому, написана на спѣхъ. Впрочемъ, оркестровое вступленіе къ этой картинѣ принадлежитъ къ блестящимъ симфоническимъ номерамъ.

Роли были распределены между вторыми персонажами труппы. По этой ли причинѣ, или какой либо иной, по рѣдкому приходилось намъ видѣть болѣе безцвѣтное и безжизненное исполненіе. Исполнители не только не выдвигали красотъ произведенія, но, какъ будто, задались цѣлью скрыть нелкій слѣдъ художественной индивидуальности. Роль Лалла-Рукъ, по болѣзненнымъ г-жи Куза, поручена была г-жѣ Козаковской. Пѣвица обладаетъ микроскопическимъ голосомъ довольно пріятнаго тембра и недурно обработаннымъ, по пригоднымъ лишь для небольшой залы. При аккомпаниментѣ оркестра или хора ей вовсе не было слышно. Сценическая передача довольно элементарна. Роль бойкой и шаловливой Хафизы не подходитъ къ характеру дарованія г-жи Сзаниной, артистки, по преимуществу, трагической. Да и массивная фигура ей мало гармонировала съ предствленіемъ о легкомысленной панереницѣ Лалла-Рукъ. Г-жа Сзанина, какъ выдающаяся артистка, конечно, роли не испортила, но и не выдвинула. Г. Ершовъ въ роли Ферморса еще разъ доказалъ, что, кромѣ хорошаго голосоваго матеріала, нужна хорошая школа. Голосъ у г. Ерипова большой и величественный, красоты въ верхнемъ регистрѣ, но сдвинутый, недостаточно гибкій и одвообразно плаксивый по тембру. Въ его исполненіи мало отбѣнокъ. Баладу пераго дѣйствія г. Ершовъ исполнилъ блѣдно, безъ выраженія. Лучшее впечатлѣніе артистъ произвелъ во второмъ дѣйствіи, гдѣ въ любовномъ дуэтѣ блеснулъ превосходнымъ симфоникомъ. Для г. Шаронова партія Хозру слишкомъ высока. Г. Шароновъ скорѣе басъ, чѣмъ баритонъ, тогда какъ партія Хозру чисто баритонная. Пѣвецъ исполнилъ свою благодарную роль совершенно безцвѣтно, какъ въ вокальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніяхъ. Г. Вухтояръ въ роли Фадладина балаганитъ выше мѣры и къ одвообразію музыкальной партіи прибавилъ одвообразіе сценической игры. Фадладинъ — выжившій изъ ума сластолюбецъ. Но, какъ великій визирь, овъ величественъ и исполненъ сознанія собственного достоинства. Между тѣмъ въ исполненіи г. Вухтоярова Фадладинъ явился скорѣе какимъ-то жалкимъ шутомъ гороховымъ, чѣмъ всесильнымъ министромъ. Обман безжизненность исполненія заразително повліяла на хоръ, который пѣлъ какъ-то пехотя, безъ одушевленія. Оркестромъ дирижировалъ въ первый разъ г. Блаumenфельдъ, подвизавшійся до сихъ поръ въ роли пианиста и аккомпаниатора. Искусство дирижирования трудное и дается лишь путемъ продолжительной практики. Для пераго раза г. Блаumenфельдъ дирижировалъ недурно. Онъ велъ оркестръ увѣренно, давалъ во время вступленія и исправно слѣдилъ за исполнителями на сценѣ. Но, безотносительно говоря, оркестръ оставлялъ въ этотъ вечеръ желать много лучшаго. Симфоническіе номера пропали въясло и тускло. Въ танцахъ г. Блаumenфельдъ бралъ слишкомъ медленные темпы. Это тѣмъ болѣе странно, что танцы эти неоднократно исполнялись въ симфоническихъ концертахъ подъ личнымъ управленіемъ Рубинштейна, который бралъ темпы бѣгавые, какъ это и согласуется съ характеромъ этихъ номеровъ.

Танцы, поставленные г. Петипа, не блещутъ на этотъ разъ, ни оригинальностью, ни живописностью группъ. Наменѣе интересенъ, въ хореографическомъ отношеніи, танецъ невѣсты (№ 2).

Поставлена опера великолепно. Костюмы поражают роскошью. Декорации превосходны, особенно декорации последней картины, вызвавшая всеобщий восторг публики. Все это дѣлаетъ большую честь портнымъ и декораторамъ Мариинской сцены, но не свидѣтельствуетъ о музыкально-сценической сторонѣ дѣла. Въ погонѣ за обстановочною частью, какъ будто забыли о художественныхъ требованіяхъ. А вѣдь это главное.

Н. Кн-ский.

Театральныя замѣтки.

Сезонъ театра Литературно-артистическаго Кружка открылся въ субботу, 12 сентября, „Бѣшенными деньгами“. Комедія эта давно не шла на петербургскихъ сценахъ, и я видѣлъ, какъ публика „смаковала“, „savourait“, великолѣпныя, полныя остроумія и живого юмора, рѣчи Телятева, Глумова и Кучумова. Часть „положительная“ и мораль пьесы? Зовите меня вандаломъ, но я не знаю никого наивнѣе Островскаго, когда онъ старается проводить „идею“. Я разумно идею, не въ смыслѣ тѣхъ смутныхъ процессовъ мысли, которые цѣлой чередой вызываются истинно художественнымъ произведеніемъ, во какъ дидактическій результатъ разсужденій. Тогда идеи Островскаго поражаютъ своею узостью, какимъ-то мѣщанскимъ *terre à terre*. Припомните въ „Волкахъ и овцахъ“ разговоры Купавино съ Беркутовымъ. Что это, какъ не „женщинѣ безъ мужины въ домѣ никакъ невозможно“? Или рацемъ Васильева и заключительныя слова Лидіи: „Моя богиня беззаботнаго счастья валится со своего пьедестала; на ея мѣсто становится грубый идолъ труда и промышленности, которому нима бюджетъ. Ахъ, какъ мнѣ жаль бѣдныхъ, нѣжныхъ созданій, этихъ милыхъ, веселенькихъ дѣвушекъ! Имъ не видать больше изящныхъ перасчетливыхъ мужей! Эфирныя существа, бросьте мечты о несбыточномъ счастьѣ, бросьте думать о тѣхъ, которые нязно проматываютъ, и выходите за тѣхъ, которые грубо наживаютъ и называютъ себя дѣловыми людьми!“ Что это: иронія, переломъ міросозерцанія, исповѣданіе вѣры? Самое противоположеніе „счастья“, какъ нѣкотораго идеальнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей человѣческаго существа, и „бюджета“, понятія экономическаго и хозяйственнаго — развѣ оно не наивно?

Замѣчу, между прочимъ, что едва ли во всемъ Островскомъ найдется такой грубо намалеванный женскій характеръ, какъ Лидія. Цинизмъ, доходящій до грации, рядомъ съ легковѣріемъ, переходящимъ въ глупость—я не могу себя представить, какъ это совмѣщается въ одномъ женскомъ характерѣ. Хищники бываютъ, во всякомъ случаѣ, осторожны и умны. Еще менѣе можно понять, какъ могла такая глупая хищница, какъ Лидія, плѣнить Василькова. Наконецъ, окончательно отказываюсь понять, какъ могло случиться, что Васильковъ все-таки Лидію принимаетъ обратно къ себѣ въ домъ, что ни Лидія, ни Васильковъ ни однимъ словомъ не наме-

каютъ на то, какъ они врозь жили и амурились—Лидія платонически, а Васильковъ, съ его практическими складомъ и парой лошадей, которую онъ подарилъ знакомой Телятеву „бландикъ“,—должно быть, не безъ „увѣчванія зданія“.

И все-таки, несмотря на грубость и декоративность письма, какая это плѣнительная комедія! Часто, слушая Островскаго, я начинаю думать, что наивность есть величайшій даръ небесъ, который посылается въ удѣлъ только большимъ художникамъ; что, подобно тому, какъ „ящиче“ блаженны, такъ точно только люди, сохранившіе свитую простоту сердца, способны угадывать красоту, которая другимъ недоступна; что наивность есть, быть можетъ, та форма свѣжаго, непосредственнаго воспріятія впечатлѣній натуры, которая называется искусствомъ, тогда какъ все остальное есть уже знаніе, наука, умъ...

Г. Далматовъ доставилъ мнѣ высокое наслажденіе своей игрой въ роли Телятева. Какое богатство нитопаций, неожиданныхъ въ своей искренности и правдивости! Какая красота! Затѣмъ я ставлю точку, и долженъ сказать, что остальные исполнители меня мало удовлетворили. Г. Бравичъ нисколько не подходитъ къ роли Василькова. Въ г. Бравичѣ нѣтъ именно наивности творчества. Да и по внѣшнимъ даннымъ, по облику, голосу, акценту—онъ далекъ отъ Василькова. Ни Боже мой! какъ выражается герой „Бѣшенныхъ денегъ“. Г. Михайловъ-Кучумовъ.. Воля ваша, я его представляю совсѣмъ другимъ. Итальянскія „канцонеты“ и прасказки, которыя г. Михайловъ совершенно выпустилъ—вѣдь это живая страница „старога барина“. Вѣдь это тотъ-же Ополъевъ, только опустившійся и впавшій въ рамолисментъ. Помните, когда Кучумовъ поетъ:

Io sono ricco

а Телятевъ отвѣчаетъ: „Неправда,

Noi siamo poveri...“

Это прелестный штрихъ, воскрешающій въ памяти доброе старое, время. Итальянская опера, Кальцолари, Тамберликъ. Нильсонъ, и выкупные платежи, которые приходили уже къ концу, но такъ, что вкусъ во рту еще оставался, и надвигавшійся образъ концессионера, и цѣлая рать Телятевыхъ, Кучумовыхъ, Глумовыхъ, растерявшихся предъ напоромъ новыхъ формъ и условій жизни, и разнo, по своему, встрѣчавшихъ новыя дни: одни, какъ Телятевъ, съ шуткой и философскимъ спокойствіемъ, другіе, какъ Глумовъ, съ готовностью поступить на содержаніе, и третіе, какъ Кучумовъ, трусливо, нерѣшительно, почти бессознательно, мѣшая ложь съ правдою, настоящее съ прошедшимъ, и кое-какъ доживая свои дни.

Мнѣ бы хотѣлось, — чтобы покончить съ „Бѣшенными деньгами“, — указать на нѣсколько техническихъ погрѣшностей. Во-первыхъ, сцена уплаты по счетамъ. Она очень рѣзко и утрировано поставлена, и въ то же время однообразно. Во-вторыхъ, г. Михайловъ говоритъ такъ тихо, что его съ трудомъ было слышно. Что касается г. Высоцкаго-Глумова, то ему вредитъ манера чтенія, которая у него замѣняетъ разговоръ, тѣмъ болѣе, что благодаря этой манерѣ, звукъ его голоса становится плоскимъ.

* * *

„Памела“ Сарду, поставленная на сценѣ Кружка, оказалась хуже „Термидора“, не говоря уже о „Санъ-Женъ“. Говорятъ, что Сарду большой знатокъ театральныхъ эффектовъ. Быть можетъ, былъ такимъ мастеромъ. Уже въ „Термидорѣ“ движенія, въ драматическомъ смыслѣ, очень мало, и живая драма лицъ замѣняется разсказомъ. Въ „Памелѣ“ эта ма-

Г. Стравинскій.

«Гарольдъ», опера Направника). Къ 25-лѣтнюю артистическую дѣятельности.

пера драматическихъ разсказовъ доведена до крайней степени. Сначала сторожъ разсказываетъ о страданіяхъ дофина; потомъ дофинъ разсказываетъ о страданіяхъ матери; потомъ Баррасъ разсказываетъ о своихъ планахъ, Памела о своихъ. Это очень упрощенный приемъ для писанія драмъ. Гдѣ-то за кулисами трепещетъ историческая драма, а разные выходные актеры драмы, а то и вымышленные лица, выходятъ на аван-сцену и докладываютъ о томъ, что происходитъ.

Со стороны „Нов. Врем.“ слѣдуетъ считать большою уступкою, что оно признало Сарду искуснымъ ремесленникомъ. Дѣло не въ томъ, что Сарду пишетъ мелодрамы, ибо во всякомъ жанрѣ можно быть талантливымъ и бездарнымъ. Но Сарду именно ремесленникъ, и потому, особенно въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, онъ становится скученъ, какъ только глазъ привыкнетъ къ обстановкѣ и затѣшливымъ костюмамъ, которыми онъ пытается прикрыть наготу своего творчества.

Незадолго до постановки „Памелы“ мнѣ пришлось прочесть „Chévalier de Maison Rouge“ А. Дюма-отца, переведенную на русскій языкъ г-жею Мердеръ и г. Военскимъ. Эта пьеса была 50 лѣтъ подъ цензурнымъ запрещеніемъ. Т. е. ее запретили, а потомъ забыли и только теперь вспомнили. Я беру на себя смѣлость утверждать, что Сарду безцеремонно обокралъ Дюма, и что не только замыселъ, но и подробности онъ взялъ оттуда. Разница же въ томъ, что Дюма талантливъ, что его мелодрама полна воображенія, фантазіи, что онъ умѣетъ находить трогательныя коллизіи, увлекательныя подробности; что его герои, хотя бы и мелодраматическихъ, можно любить и всей душой скорбѣть за нихъ, тогда какъ у Сарду двигаются деревянные фигуры на шарнирахъ.

Сюжетъ „Chévalier de Maison Rouge“ (въ переводѣ — „За королеву“) заключается въ томъ, что роялисты собираются похитить королеву. Въ „Памелѣ“ роялисты добиваются похищенія дофина. Въ мелодрамѣ Дюма есть подкобы и разрушеніе стѣны.

Въ „Памелѣ“ то же самое. У Дюма душою дѣла является „Кавалеръ Краснаго дома“, у Сарду — Памела. Въ пьесѣ Дюма въ тюрьму проникаютъ цвѣточницы, въ пьесѣ Сарду — прачки. Но какъ жалокъ Сарду въ сравненіи съ Дюма! Я не могъ оторваться отъ чтенія „Кавалера Краснаго дома“. Великолѣпная фантазія, одушевленная какимъ-то особеннымъ пыломъ благородства, захватываетъ, увлекаетъ, томитъ васъ. А романическая интрига? Сколько чистой, хотя и экзальтированной въ мелодраматическомъ родѣ, любви находятъ Дюма въ сердцахъ своихъ героевъ! Какой тонкій художественный талантъ проявляетъ онъ въ лицѣ безпечнаго республиканца Лорена, который, какъ будто, только и знаетъ, что напѣваетъ „трамъ-блямъ“, и однако, въ рѣшительную минуту находитъ въ себѣ столько героическаго, молчаливаго самоотверженія, и идетъ на казнь „за други своя“. просто потому, что ему все равно, жить или не жить, а другимъ хочется и свѣта, и счастья, и свободы, и любви... Надъ такой мелодрамой можно плакать и не стыдиться своихъ слезъ.

Сарду внушаетъ мнѣ антипатію не потому, что пишетъ мелодрамы, но потому, что его мелодрамы лишены нравственнаго базиса, что мораль его смутна и неясна, между тѣмъ какъ единственное оправданіе этого литературнаго рода заключается въ проповѣди гуманности и добра при помощи рѣзкихъ и нарочно сочиненныхъ сценпическихъ положеній. Ибо если сочинять и придумывать, такъ ужъ во имя добра и свѣта, а иначе зачѣмъ же утруждать себя? Сарду всегда, даже въ лучшую пору своей литературной дѣятельности, отличался безразличіемъ въ нравственныхъ вопросахъ. Даже въ „Ризоорѣ“ больше безпутнаго эффектированія и жестокости, чѣмъ истинны, любви и красоты. Нѣтъ, Сарду — нехорошій писатель. Онъ не только ремесленникъ, не только толстопузый буржуа, но и „индифферентъ“, которому, какъ поется въ жалостномъ романсѣ, все равно — „страдать или наслаждаться“.

Гг. Стравинскій и Корякинъ.
(«Вражья Сила», опера Сѣрова).

Памела — не внушает никакой симпатии. Это центральное лицо пьесы, которое в течении семи картин не сходит со сцены, оставляет насъ глубоко равнодушными къ ея внутреннему міру. Развѣ такова задача хорошей мелодрамы? Да вотъ, недалеко ходить за примѣромъ — „Два подростка“. Вѣдь за подросткомъ скорбяшь, за деньщикомъ, отца, мать — за всѣхъ болѣе сердцемъ, все равно, правдоподобны эти лица или нѣтъ.

А Баррасъ? Сдѣлать шута горохового изъ исторической фигуры — совсѣмъ не трудное дѣло. А Баррасъ въ „Памелѣ“ — форменный шутъ. И не говорю уже о томъ, что многія картины до того излишни, что если ихъ выпустить, то едва ли даже почувствуешь пустоту. Не стану останавливаться на томъ, что здѣсь вѣтъ единства интриги, ни любви, ни пафоса, ни даже простой занимательности въ фабулѣ. Пьеса скучна, томительна, однообразна...

Я умолчу объ исполненіи. Даже огромный талантъ г. Далматова не могъ ничего сдѣлать изъ роли Барраса.

Мнѣ понравилась только г-жа Домашева, быть можетъ, потому, что дофиня — единственное лицо, которое согрѣто лучами истинной мелодрамы. Молодая артистка отлично имитировала, прекрасно сообразала движенія и иногда давала трогательныя нотки. Г-жѣ Домашевой слѣдуетъ работать надъ ритмомъ рѣчи. Онъ у нея очень однообразенъ и не закругленъ. Это, если можно выразиться, декламационное staccato. Если бы г-жѣ Домашевой удалось выработать периодичность рѣчи и овладѣть темпами, то театръ Литературно-артистическаго Кружка имѣлъ бы въ ней не только очень даровитую ingénue comique, но и хорошую исполнительницу драматическихъ ролей.

А. Н-ель.

— ❧ Д У Ш Я . ❧ —

Знаете вы „Элегію“ Эрнста?

Она считается образцовой, идеальной, классической. Ее пѣли всѣ скрипки міра.

Я не музыкантъ, плохо знаю музыку, вѣрнѣе — совсѣмъ ея не знаю, но люблю. И особенно люблю скрипку, этотъ скромный инструментъ, въ маленькой груди котораго цѣлое море звуковъ.

И какихъ звуковъ! Ея первый плачъ заставитъ рыдать толпу, ея серебристый смѣхъ подхватитъ и унесетъ васъ, какъ былинку, въ ту высь, гдѣ грань земного съ небеснымъ, гдѣ рядомъ съ вами ловятъ звуки —

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой...

Я знаю и слышалъ сотни пьесъ на скрипкѣ, но ни одна изъ нихъ такъ не трогаетъ меня, какъ „Элегія“ Эрнста. Быть можетъ, это свойство самой пьесы, а быть можетъ — меня подкупаетъ ея исторія. Грустная, въ нѣмецко-романтическомъ вкусѣ исторія.

Эрнстъ, молодой, много общающійся, но ничего еще не достигшій вѣнскій скрипачъ, влюбился въ дочь известнаго банкира. Та отвѣчала ему взаимностью.

Любовь ихъ была нѣжна, пылка, но банкирскаго тщеславія она не преодолѣла.

— Милый мой, сказалъ банкиръ въ одинъ прекрасный, а быть можетъ и не прекрасный день музыканту, — я не изъ драматическихъ отцовъ и разбивать сердца моей дочери не намѣренъ. Но я банкиръ и люблю равновѣсіе. Вотъ вамъ три года сроку, — добудьте славу, имя и... и деньги, хоть немного денегъ, — и возвращайтесь. Тогда я противъ васъ ровно ничего имѣть не буду...

Fräulein не выходила изъ-подъ власти папаши. Эрнстъ поклонился и отправился добывать имя.

Въ три года онъ его добылъ, и даже болѣе громкое, чѣмъ могъ надѣяться банкиръ. Если его и его милліоны знала Вѣна, то Эрнста знала вся Европа.

И онъ вернулся, — на крылахъ любви, какъ говорили поэты минувшаго столѣтія.

Будь это не въ Вѣнѣ, будь Fräulein не Fräulein, а синьорита, mademoiselle, русская барышня или англійская миссъ, — все кончилось бы благополучно, конечно. Но у нѣмцевъ любящія сердца чаще страдаютъ, чѣмъ наслаждаются.

Такъ было и здѣсь.

Три года — длинный срокъ; любовь Fräulein если не исчезла, то все же покрылась легкимъ слоємъ пыли забвенія. А тутъ великолѣпнѣйшій баронъ по рекомендаціи папаши. Fräulein сдалась, чтобы не говорить долго.

И вдругъ — Эрнстъ съ именемъ, со славой, немощко даже съ деньгами. И какъ разъ въ тотъ день, когда у Fräulein если не самое вѣнчанье, то обрученье.

Fräulein увидѣла афишу и отправилась...

Вотъ и все. И это „все“ очень дорого обошлось Эрнсту: онъ забросилъ скрипку и скрылся. Думали, что онъ пропалъ навсегда, сошелъ съ ума, погибъ для искусства. Время отъ времени появились зловіщіе слухи, его хоронили чуть не десѣтокъ разъ, но онъ остался живъ, пересилилъ ударъ и „вернулся къ искусству“, — какъ восторженно заявлялось тогда въ газетахъ.

Когда артистъ вновь взялся за свою скрипку, онъ сыгралъ „Элегію“.

Не знаю, — оттого ли, что я знаю исторію Эрнста, но у меня отъ его „Элегіи“, каждый разъ, когда я ее слышу, поетъ сердце и мурашки бѣгутъ по спинѣ.

По-моему, это не „Элегія“ Эрнста, а „Элегія“ покончившаго съ міромъ человѣка. Въ ней скорбь подавляющая, доступная лишь звукамъ, а не словамъ, скорбь пугающая, преисполняющая васъ страхомъ. Но еще страшнѣе то успокоеніе, которое въ концѣ ея. Оно не отъ міра сего: въ немъ нѣтъ ни утѣшенія, ни успокоенія, ни примиренія, — въ немъ нирвана, холодный мракъ небытія...

Гдѣ я ее въ первый разъ слышалъ, эту „элегію“ Эрнста?

Въ большемъ, но несурасномъ, забытомъ Богомъ и людьми сибирскомъ пунктѣ.

Оторванные отъ Петербурга, черезъ мѣсяцъ получая газеты, мы жили тамъ, кое-какъ пробавляясь клубными вечерами, плохенькой драмой и совсѣмъ скверной опереткой.

И вдругъ — концертъ знаменитости.

Мѣста покупались за бѣшенныя цѣны, перекупались за двойными, перепродавались за тройныя, — городъ сошелъ съ ума.

И знаменитость того стоила. Я слышалъ о ней еще въ Петербургѣ, читалъ восхищенные рецензіи иностранныхъ газетъ. Говорили, что волшебный смычокъ виртуоза, помимо славы, далъ ему состояніе. Говорили...

Но мало ли что говорятъ о знаменитостяхъ?

Памела.
(Г-жа Режанъ).

Насъ, одичавшихъ въ сибирской глуши, онъ поразилъ съ перваго же появленія на эстрадѣ. Высокій, удивительно изящный въ своемъ прекрасно сшитомъ фракѣ, съ львиной гривой на благородной головѣ, — онъ свелъ съ ума дамъ, не дотронувшись до смычка. И когда онъ заигралъ, въ залѣ не дышали.

Онъ сыгралъ знаменитый концертъ Мендельсона, съ его блестящимъ финаломъ, легенду Венявскаго, вся вторая часть которой ведется на двойныхъ струнахъ, сыгралъ „Версене“ Неруда, нѣсколько романсовъ Вьетана.

И подъ конецъ, на безчисленные бисы, на гвалтъ всего зала, онъ вышелъ и сыгралъ, — но какъ сыгралъ! — „Элегію“ Эрнста.

— Какая душа! вздыхала наша губернаторша. — Какая душа!

И жена прокурора, — самая пикантная дама въ городѣ, — въ первый разъ оказалась одного мѣня съ губернаторшей.

— Сколько души! Боже мой, сколько души!

По окончаніи концерта ему устроили ужинъ. На этомъ ужинѣ насъ познакомили, и онъ разсказалъ мнѣ исторію „Элегіи“ Эрнста.

— Когда я ее играю, у меня горитъ голова и холодѣютъ руки; трудно держать смычекъ.

Разстались мы совѣтъ друзьями. Я довелъ его до гостинницы, гдѣ онъ остановился, и получилъ приглашеніе.

— Заѣзжайте. Днемъ я свободенъ и буду очень, очень радъ.

На другой же день я заѣхалъ.

— Барина нѣтъ, докладывалъ мнѣ дежурившій въ корридорѣ лакей, выдержанный, шлифованный столичный лакей, — но барыня дома, принимаютъ.

И я былъ принятъ.

Боже мой, что это была за женщина! И какъ ничтожна, груба и пошла была въ сравненіи съ нею наша прокурорша!

Мы говорили о музыкѣ, и каждое ея слово было откровеніемъ. Она знала всѣхъ композиторовъ, всѣхъ виртуозовъ, манеру и особенности каждаго. О своемъ мужѣ она говорила, какъ о божествѣ, и я ей охотно вѣрилъ.

Это былъ человѣкъ съ такой душой...

Онъ далъ у насъ три концерта и уѣхалъ, хотя какой-то нежданно проявившійся антрепренеръ и

предлагалъ ему сумасшедшія деньги за шесть слѣдующихъ концертовъ, и предлагалъ ихъ впередъ.

Онъ уѣхалъ, давнымъ-давно позабылъ, вѣроятно, о нашемъ городѣ и о насъ, а я все еще бредилъ имъ, видѣлъ сны, гдѣ „Элегія“ Эрнста мѣшалась съ львиной гривой виртуоза и бѣлокурой головкой его жены.

* * *

Прошло три года.

Я больше года жилъ уже въ Петербургѣ, и вдругъ — афиша моего кумира.

Концертъ начинался въ девять, но въ восемь я былъ уже на мѣстѣ. „Элегія“ Эрнста стояла въ программѣ.

Публика — избалованная публика Петербурга — собиралась медленно. Къ девяти залъ былъ наполовину пустъ, но къ половинѣ десятого всѣ мѣста оказались занятыми.

Онъ появился, — такой же изящный и красивый, какъ и тогда. Но игралъ онъ еще лучше: дѣйствіе зала, биткомъ набитаго блестящей публикой, — такъ казалось мнѣ.

— Какая душа! восхищались въ залѣ.

За „Danses espagnoles“ Сарасатта ему устроили настоящую овацію — подносили вѣнки, корзины, еще что-то. Но я ждалъ „Элегіи“ Эрнста.

Какъ онъ ее сыгралъ, какіе новые оттѣнки придавъ этой чудной вещи, — сказать не умѣю. Съ послѣднимъ ея звукомъ я былъ уже тамъ, около него, лепеталъ ему что-то о нашемъ старомъ знакомствѣ, о моемъ восхищеніи.

И какъ тогда, онъ былъ ласковъ и внимателенъ. Узналъ или сдѣлалъ видъ, что узналъ меня, просилъ бывать.

— Европейская гостинница...

Я уже раскланивался, когда онъ удержалъ меня за руку.

— Зачѣмъ откладывать? Если вы свободны, то ѣдемъ сейчасъ...

— Но вы устали...

— Сохрани меня Богъ, трихнулъ онъ головой. — Я буду ужинать, пить мадеру... Познакомлю васъ съ женой...

Я былъ ужъ съ ней знакомъ, хотѣлъ ему напомнить объ этомъ, но здѣсь, въ сутолокѣ, гдѣ его рвали на части, это было неудобно.

Жозефина Богарне.
(Г-жа Дрюиеръ).

Г-жа Аткинсъ.
(Г-жа Авриль).

Въ каретѣ онъ почему-то опять вспомнилъ о женѣ:
— Это чудная женщина: мигкая, отзывчивая, впечатлительная... И какъ любить меня!..

Еще бы! Я помнилъ нашу встрѣчу, нашъ долгій разговоръ съ ней, когда изъ трехъ ея словъ два были посвящены ему.

Мы приѣхали.

— Мой временной лагерь, — проговорилъ онъ, зажигая свѣчи. — Моя жизнь проходитъ, какъ на бивуакѣ...

Номеръ былъ прекрасный, большой, щегольски обставленный. Надъ дверью въ слѣдующую комнату висѣла пестрая, расшитая шелками портьера.

— Théodor, ты? — слышался оттуда женскій голосъ.

— Я, отозвался артистъ. — Иди къ намъ...

Портьера шевельнулась. Я тронулся навстрѣчу и остался съ протянутой рукой.

Передо мной, вмѣсто золотистой головки, голубоглазой и нѣжной, ласково искрились агатовые глаза, горѣло радостнымъ румянцемъ смуглое личико.

Кое-какъ принявъ мой поклонъ, она тронулась къ нему, и кланусь Небомъ, я не видалъ болѣе нѣжной пары. Они ворковали, какъ голубки, и не спускали глазъ другъ съ друга.

И какъ она понимаетъ музыку, какъ знала всѣхъ виртуозовъ...

* * *

Этимъ лѣтомъ мы опять столкнулись.

Дѣло было на русскихъ водахъ, — очень милый, хотя и въ достаточной мѣрѣ слабо благоустроенный пунктъ. Пили воды, принимались ванны, жаловались на докторовъ и кухню, сплетничали и слегка ухаживали за дамами.

Впрочемъ, имѣлся и обратный примѣръ: двѣ отжившія дамы жертвой хваткой впилась въ какого-то злосчастнаго художника, показывали ему окрестные виды, дѣлали презенты и сцены ревности.

Я прожилъ уже недѣли двѣ, подтинулъ нервы, но начиналъ медленно умирать отъ скуки.

Одинъ разъ, за табль-дотомъ, я замѣтилъ особое оживленіе среди дамъ. Онѣ шептались, доходили до жестикуляціи, презрительно косились на насъ.

Очевидно, явился новый курсистъ, и интересный.

— Не знаете, кто? спросилъ я сосѣда.

— Музыкантъ какой-то, отвѣтилъ тотъ. — Знаменитость, надо полагать, потому въ коляскѣ и во семь чемодановъ... Жена ужъ очень хороша, — ахъ, какъ хороша!..

Къ вечеру я увидалъ его. Это былъ онъ, мой магъ и волшебникъ.

На этотъ разъ онъ меня узналъ, даже обрадовался, жалъ руки и взялъ слово, что я буду за ужиномъ.

— И вы со скрипкой? — попробовалъ я взять взятку.

Онъ неожиданно оказался податливымъ.

— Хорошо, и сыграю вамъ Эриста. — Ваша любимая, да?..

Оставалось только благодарить.

За ужиномъ онъ всѣхъ очаровалъ, — рассказывалъ анекдоты изъ артистическаго міра, описывалъ свое послѣднее путешествіе по Италіи, ковернулъ передъ Гумбертомъ.

Послѣ ужина, въ залѣ, онъ сыгралъ „Элегію“, и сыгралъ ее опять такъ, что ноги ему цѣловать хотѣлось.

— Боже мой, какая душа у этого человѣка! восхищенно закатили глазки барыни изъ Москвы. — Какая душа!..

Онъ уклонился и отъ похвалъ со стороны дамъ, и отъ чествованія со стороны кавалеровъ и вышелъ со мною.

— Зайдемъ ко мнѣ...

— Не поздно ли?

— Ну, гдѣ же... Мы съ женой позднія птицы, раньше часу не ложимся. Пойдемте, я кстати познакомлю васъ, и завтра у нея будетъ кавалеръ...

— А вы?

— Я лѣчусь... Адски разстроилъ себѣ нервы... Вотъ и мое гнѣздо, — дорого и дрянъ...

На минуту я остался одинъ въ первой комнатѣ. За стѣной слышался сдержанный говоръ.

Затѣмъ скрипнула дверь, и на порогѣ появился онъ съ женой.

Сохрани меня Богъ, но это была третья жена за такой короткій срокъ.

Кудрявая, какъ амуръ, съ губками стрѣлкой и шаловливыми глазками, — она была мила, какъ ангелъ, и шаловлива, какъ мальчикъ.

Она путала ему волосы, зажимала маленькой ручкой ротъ, таскала у него варенье съ ложки, — но какъ она понимала музыку!..

И когда я по темному корридору пробирался къ себѣ, я восхищенно шепталъ:

— Боже мой, какая душа у этого человѣка!.. Какая душа!..

А. Дѣяновъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

10 сентября на сценѣ Восточнаго театра въ Берлинѣ состоялось первое представлѣніе «Евгенія Онѣгина».

Спектакль начался въ 7½ часъ вечера. Небольшое вступленіе было прослушано съ большимъ интересомъ и видимымъ удовольствіемъ. Въ первой картинѣ хоръ и пляска крестьянъ поразили и совершенно увлекли публику. Уже во время пѣнія и пляски то тамъ, то здѣсь раздавались одобрительные возгласы. По окончаніи же этого нумера зрители разразились оглушительнымъ громомъ апплодисментовъ, криками «браво» и вызовами исполнителей. Последніе выходили на сцену болѣе трехъ разъ, но публика не удовлетворялась этимъ и настойчиво вызывала ихъ снова. Третья сцена — арія Ольги — и послѣдующія прошли при напряженномъ вниманіи всего театра. По окончаніи картины снова начались шумные апплодисменты и вызовы артистовъ. Артистамъ пришлось выходить много разъ.

Вторая картина (сцена съ письмомъ и дуэтъ Татьяны и Филипповны) была прослушана съ захватывающимъ интересомъ. Она имѣла также огромный успѣхъ. Бурныя овации вызвала и третья картина, въ особенности хоръ дѣвушекъ, собирающихъ ягоды.

Первая картина второго акта чрезвычайно понравилась публикѣ. Послѣ куплетовъ Трике и мазурки очень много и горячо апплодировали. Заключительная сцена (ссора друзей) произвела на публику сильное впечатлѣніе и вызвала пѣлый рядъ оваций. Первая сцена второй картины — арія Ленскаго, затѣмъ, вторая сцена — дуэль произвели на публику глубоко потрясающее впечатлѣніе и вызвали необыкновенно сильное возбужденіе: овации, крики «браво!.. браво!..» достигли высшаго напряженія.

Вызывали артистовъ и рассказчиковъ, вызвали нѣсколько разъ г. Гофпауера, капельмейстера Юлія Рутхарда и режиссера Феликса Эрля. Подобнаго воодушевленія и искренняго увлеченія, — на которыя берлинцы, вообще, крайне скупы, — мы еще никогда не наблюдали въ берлинскихъ театрахъ.

Само собою разумѣется, что во время длиннаго антракта вся публика съ особеннымъ одушевленіемъ говорила объ оперѣ и удивительномъ талантѣ Чайковскаго. «Famos!.. Vorzüglich!.. brilliant!..». Всюду, и внизу, и вверху — одно и то же настроеніе.

По окончаніи спектакля публика вызвала артистовъ, директора, капельмейстера, режиссера и переводчика. Всѣ эти лица были вызваны семь разъ. Для нѣмецкаго театра — это нѣчто рѣдкое, прямо необыкновенное. Вообще, сегодняшній успѣхъ «Евгенія Онѣгина» давно небывалый на нѣмецкой сценѣ, исключительный.

Постановка «Евгенія Онѣгина» на сценѣ нѣмецкаго театра не только вполне удовлетворительна, но даже, сравнительно, хороша. Декораціи и костюмы, за нѣкоторыми немногими исключеніями.

Костюмы сравнительно хороши. Публика видитъ на сценѣ настоящіе русскіе сарафаны, кокошники, фартуки, косоворотки, плисовые шаровары, смазные сапоги, казацкіе кафтаны и шапки. Гримъ и парики не такъ удачны.

Исполненіе, не характерное, быть можетъ, съ русской точки зрѣнія, было очень хорошо въ кокальномъ отношеніи. Берлинская музыкальная критика отзывалась объ «Евгеніи Онѣгинѣ» съ искреннимъ восторгомъ. Она называетъ Чайковскаго «русскимъ Бетховеномъ». Во всѣхъ берлинскихъ газетахъ объ «Евгеніи Онѣгинѣ» появились обширныя статьи, написанныя тепло, сочувственно и полныя неподдѣльныхъ похвалъ.

Въ одномъ изъ номеровъ журнала «Revue illustrée», мы встрѣчаемъ небольшую замѣтку. Сарду объ искусствѣ mise en scène. Она не лишена интереса и мы ее приводимъ почти цѣликомъ.

«Исключая той способности, которая дарована мнѣ Провидѣніемъ, т. е. моей принадлежности къ театральному дѣлу, я всѣмъ обязанъ Монтини. Да, всѣми своими способностями, съ которыми, безъ него я не аналъ бы, какъ поступить, а, пожалуй, чего добраго, еще и дурно бы воспользовался. Болѣе половины моихъ первыхъ успѣховъ принадлежатъ ему, и воспоминаніе о его совѣтахъ вѣчно преслѣдовало меня и въ иныхъ случаяхъ служило поддержкою, когда мнѣ приходилось самостоятельно руководить спектаклями на другихъ сценахъ...»

Однажды я принесъ Монтини двѣ пьесы. Онъ раскритиковалъ ихъ, разобралъ, что называется, по косточкамъ, извѣсилъ — и все это въ моемъ присутствіи — и вернулъ мнѣ обѣ, сказавъ только:

— Мужайтесь!..

Въ третій разъ я принесъ ему «Les pattes de mouche». Никогда не забуду, съ какой отеческой радостью обратился онъ ко мнѣ, прочитавъ мою рукопись:

— А-а, дитя мое, на этотъ разъ мы добились таки своего!..

О постановкѣ сложныхъ пьесъ принято говорить, что онѣ хорошо поставлены, если только въ нихъ имѣются роскошные

костюмы, богатѣйшія декораціи, яркое освѣщеніе, массовое движеніе, быстрота въ смѣнѣ впечатлѣній и т. д. Если всѣ эти вещи имѣются на лицо, иныя произведенія бываютъ обязаны имъ своимъ успѣхомъ, а порой это и составляетъ ихъ единственное достоинство. Талантъ, доставляющій все это, достоинъ уваженія также, какъ и всякій другой, и въ случаѣ успѣха такого произведенія, на долю директора театра приходится только половина успѣха, другая же составляетъ удѣлъ декораторовъ, костюмеровъ, машинистовъ и др. невидимыхъ двигателей театральнаго дѣла, благодаря которымъ получилась вся эта роскошь и гармонія подробностей.

Но успѣхъ пьесы почти всецѣло принадлежитъ директору театра, въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о постановкѣ комедій, не нуждающихся во всѣхъ этихъ аксессуарахъ и гдѣ декораціи служатъ только приличной рамкой для содержанія. Эти ограниченія, это театральное «quid desecat» заключаетъ въ себѣ, однако не мало условій. Мало того, чтобы декораціи были живописны и пріятны для глаза, необходимо еще, чтобы онѣ были приспособлены къ сюжету пьесы, къ характерамъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ душевнымъ качествамъ. Между людьми и обитаемымъ имъ жилищемъ, между мебелью, которой обставлены ихъ дома существуетъ извѣстное сходство, какая то интимная связь, способствующая иллюзіи зрителя, перенесеннаго съ перваго риза въ среду, гдѣ происходитъ дѣйствіе.

Вотъ именно относительно этого главнаго пункта театральной постановки, Монтини заслуживаетъ особой похвалы: онъ поднималъ маленькую сцену театра «Gymnase» и обновлялъ наши большія сцены. Кто не помнитъ постановки «Démimonde», этого салона съ шерстяной обивкой, стѣнныхъ часовъ, вышедшихъ изъ моды, всѣхъ этихъ признаковъ былого величія, которые окружаютъ старую разворившуюся даму и говорятъ о ея прошломъ и настоящемъ? Мы имѣли сразу и превосходную пьесу, и искусство постановки, доведенное до совершенства.

Туалетамъ также отдавалось должное. Монтини придавалъ большое значеніе и этому отдѣлу, и онъ былъ правъ. Если обстановка говоритъ о жизненныхъ привычкахъ женщины, туалетъ — цѣлое откровеніе въ ея характерѣ. Трудно допустить, чтобы Арсиноа одѣвалась такъ же, какъ Селимена. Никто лучше Монтини не понималъ этой зависимости костюма отъ характера. Онъ придавалъ очень большое значеніе изысканному туалету. Если «Gymnase» былъ можетъ изысканно утрировала эту часть постановки, то это не было вымысломъ: общество одѣвалось также причудливо и пестро, и театръ только отражалъ то, что видѣлъ.

Чего бы только не наговорили женщины о плохъ одѣтой актрисѣ? И напротивъ того: какъ бы имъ было пріятно мечтать въ послѣдствіи о красивыхъ туалетахъ и брать у актрисъ указанія для своихъ портнихъ.

Согласуя эту заботу объ аксессуарахъ съ искусствомъ группировки дѣйствующихъ лицъ, Монтини — да не будетъ слишкомъ громко это слово — произвелъ цѣлую революцію.

Правда, и до него вопросъ съ мебелью былъ поконченъ, и она ставилась на сцену для удобства въ разговорѣ, и послѣ разговора опять устанавливалась вдоль стѣны; правда, благодаря нововведеніямъ смѣльчака Бомарше, настоящая мебель разставлялась на сценѣ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, но все же слѣдовало бы прибавить къ этому еще количество мебелировки, суженной тогда необходимостью.

Со временемъ Скриба нарисованная мебель понемногу исчезаетъ. Появляется еще столъ и на немъ «все необходимое для письма». Но этотъ столъ никуда не переставляли съ того мѣста гдѣ ему предназначено стоять. Является Монтини. Онъ беретъ этотъ столъ и ставитъ его на середину сцены, на то самое мѣсто, которое занимаетъ столъ въ гостиной, или въ столовой.

Этой простой перемѣной, mise en scène сближаетъ комедию съ реальной жизнью. Вокругъ этого стола разставляется въ достодолжномъ безпорядкѣ разная легкая мебель, маленькіе стульчики, пуфы, качалки и т. д., не затрудняющіе размѣщенія дѣйствующихъ лицъ.

Затѣмъ на этотъ столъ ставится лампа, настоящая лампа съ абажуромъ, кладутся альбомы, книги; на немъ сервируютъ чай, настоящій чай. Тамъ помѣщается пианино, на которое можно облокотиться, а далѣе козетка, которая такъ и располагается къ интимному tête à tête. Вокругъ играютъ, поютъ, курятъ. Это вполне реальное изображеніе жизни отражающее всѣ привычки саѣта. Это не натурализмъ, но живая правда.

Всѣ эти нововведенія являются какъ бы неизбежнымъ слѣдствіемъ перваго шага въ этомъ направленіи, т. е. постановки все того же стола посреди сцены. То, что кажется намъ такъ просто, въ свое время встрѣчало оппозицію. Иные старые актеры, даже не изъ самыхъ суевѣрныхъ, но привычки которыхъ были нарушены этимъ столомъ, постоянно дѣлали видъ, что натыкаются на него, подъ тѣмъ предлогомъ, будто привыкли выходить на сцену прямо изъ средней двери.

— Ахъ, только отъ того, — сказали имъ Монтини, — въ такомъ случаѣ дверь будетъ открываться сбоку, и вы не будете натыкаться!..

«Королевская звезда», ком.—опера Ю. Клериса.

Но эта боковая дверь доставила ему еще больше хлопот... Монтиньи никогда не навязывал своих идей тоном, не допускающим возражений. Он исподволь старался навести на них самих актеров. Мало-по-малу он достиг своего и теперь никого не смущает, съ боку ли дверь, по срединѣ ли и т. д.

Это удачное изысканіе создало репутацию театра «Gymnase». Ему стали завидовать все большіе театры. Они сдѣлали даже лучше—они стали подражать ему. И все это сдѣлалъ одинъ Монтиньи.

Парижъ. Изъ новинокъ осенняго сезона въ Парижѣ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на пьесу Л. Перико «La fille aux escus» (Дѣвушка съ червонцами) поставленную на сценѣ театра «de la République». «La fille aux escus»—тишечный фарсъ. Дѣйствіе происходитъ въ Нормандіи въ деревнѣ Мирный народъ съ «достаткомъ» процвѣтаетъ въ своей деревнѣ и по своему благоденствуетъ, влюбленный въ кормилицу землю У одного изъ крестьянъ, нѣкоего Гюмелена есть сынъ Жанъ Гюмеленъ, изъ котораго отецъ прочитъ хорошаго хлѣбопашца и косится на его стремленіе къ болѣе осмысленной «культурной» жизни. Къ неудовольствіямъ родительскаго сердца присоединяется еще то обстоятельство, что Жанъ влюбляется въ дочь ихъ сосѣдей Маріану Бенардъ. Слѣдуютъ самыя мелодраматическія осложненія несчастнаго брака. Сцена на нѣкоторое время превращается въ родо-вспомогательный домъ и въ лечебницу для умалишенныхъ и все это здѣсь лишь къ тому, чтобы выказать въ врителяхъ «жалостливыя» чувства, такъ свойственныя французамъ. Пьеса г. Перико имѣла успѣхъ. Парижская критика во главѣ съ фр. Сарсе, очень трезво отнеслась къ этому мертворожденному чаду французской драматургіи, указавъ на ея видимыя оплошности и заигрываніе съ публикой на стрункѣ чувствительныхъ вопросовъ.

Rasta.

«Театръ Антуана» оповѣстилъ, что открытіе зимняго сезона состоится у него въ воскресенье, 13-го (25-го) сентября, пьесой Гергарта Гауптмана «Ткачи». Кромѣ того, имъ обѣщаны рядъ новыхъ, нигдѣ неигранныхъ произведеній Пьера Лоти, пьеса въ семи картинахъ «Judith Renaudin»; трехъ-актная пьеса Жоржа Ансея «Avenir»; Жана Жюльена «Le Doute»; Густава Кана и Тальяда «La Farce de Polichinelle»; Габриеля Трарье «La Mort d'Hypathie». Талантливый Брие даетъ 5-ти актную пьесу «Résultat des Courses»; одинъ изъ самыхъ даровитыхъ молодыхъ драматурговъ Франціи Франсуа

де-Кюрель—трехъ-актную пьесу «La Nouvelle Idolle»; Поль Алексисъ—«Vallobra»; Морисъ Донна и Декавъ—«Une pièce nouvelle», сатиру изъ первыхъ представлений; Абель Эрманъ—«L'Empreinte», кромѣ того, обѣщаны пьесы Октава Мирбо, Бонифаса, Жоржа Лабрюйера и т. д. Не забыты также и модные въ Парижѣ концерты; Жапъ Жоресъ будетъ читать передъ первымъ представленіемъ изъ «Власти Тьмы» Толстого; г-жа Северинъ—о пьесѣ Вилье де-Лиль-Адана «La Révolte»; Жюль Леметръ—объ ибсеновской «Дикой уткѣ», авторъ «Вороновъ» Бекъ—объ «Ecole des femmes» Мольера.

Лондонъ. Театръ принца Уэльскаго. Последней новинкой театра принца Уэльскаго была комическая опера «Королевская звезда», смѣнивши собою долго царившую на сценѣ этого театра «La Pourée». Надъ текстомъ этой комической оперы работали вмѣстѣ Морисъ Ордонно и Ричардсонъ, болѣе известный публикѣ подъ псевдонимомъ Курта. Результатъ этой совѣстной работы къ сожалѣнію не позволяетъ думать, что эта новинка будетъ имѣть успѣхъ. Говоримъ: къ сожалѣнію, такъ какъ постановка этой оперы сдѣлана съ исключительными затратами; кромѣ прекраснаго исполненія, обстановка и костюмы не оставляютъ желать ничего лучшаго. Слабость этого произведенія заключается главнымъ образомъ въ томъ, что интрига въ высшей степени ничтожна и избита, а между тѣмъ растянута на цѣлыхъ три акта. Содержаніе въ главныхъ чертахъ таково. Богатый, молодой человѣкъ любитъ актрису «Королевскую звезду». Мать его сначала противится ихъ браку, но наконецъ смягчается. Вотъ и все! Кромѣ этихъ лицъ въ пьесу введено нѣсколько второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, напр., отецъ героини, «бурный» трагикъ старой школы, богатый дядя героя, устарѣлый франтъ, глупый дворецкій матери героя пьесы и нѣсколько другихъ незначительныхъ персонажей. Дѣйствіе въ высшей степени растянато и скудно, когда на сценѣ нѣтъ Вилли Эдуина и Лотти Веннъ—главныхъ дѣйствующихъ лицъ, исполняемыхъ прекрасными артистами миссъ Гастель и Куртисомъ Пондъ. Что касается музыки, то она написана Юстиномъ Клерисомъ, написана красиво и изящно, но въ ней нѣтъ характерности. Прослушавшій эту оперетту выноситъ впечатлѣніе о массѣ красивыхъ звуковъ, но ни одного мотива не остается въ памяти,—а для комической оперы это огромный недостатокъ. Исполнители не могли спасти оперетту. Если «Королевской звездѣ» суждено удержаться на сценѣ, то необходима возможно скорая передѣлка ея, передѣлка самая тщательная.

Фреголи далъ прекрасный образецъ своего искусства своимъ друзьямъ и соотечественникамъ, явившимся встрѣтить его на вокзалѣ въ Берлинѣ, гдѣ онъ теперь находится. Онъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Hôtel de Rome, гдѣ для него былъ приготовленъ номеръ, но не успѣли они войти въ коридоръ, какъ онъ куда-то исчезъ. Друзья остались ждать его, полагая, что онъ сейчасъ явится, а въ это время на лѣстницѣ показался какой-то пожилой господинъ, при видѣ котораго у всѣхъ итальянцевъ и даже у антрепренера Фреголи вырвался возгласъ: «Ахъ, синьоръ Криспи!». Тотчасъ же сбѣжались кельнеры и приглашенъ былъ хозяинъ гостиницы. Между тѣмъ Криспи очень любезно разговаривалъ съ итальянцами, поджидавшими Фреголи, и сказалъ имъ, что онъ только что вошелъ въ отель и прошелъ черезъ прихожую, такъ что никто его не замѣтилъ. Криспи сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Россію для переговоровъ о мирѣ. Однако, мистификація скоро была обнаружена и при общемъ хохотѣ Криспи-Фреголи раскрылъ своимъ друзьямъ свое инкогнито, приведя ихъ въ неописуемый восторгъ своимъ искусствомъ.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ. Казанскій зимній театръ открылся 8-го сентября. Для открытія спектаклей «товарищества русскихъ оперныхъ артистовъ», подъ управленіемъ М. М. Борода, была поставлена «Жизнь за Царя». Утромъ 8 сентября, въ 12 часъ дня, былъ отслуженъ молебенъ, въ фойѣ театра. Во время молебна пѣлъ хоръ оперы. На молебнѣ, кромѣ артистовъ и управленія театра, присутствовали и постороннія лица—представители мѣстной прессы и артистическаго міра. Между прочимъ мы замѣтили въ числѣ молящихся Н. А. Преображенскаго—бывшаго артиста Императорской русской оперы, открывшаго въ Казани школу пѣнія. Близка отсутствіемъ на молебнѣ городская театральная коммисія. Первый же оперный спектакль показалъ намъ, что составъ оперы болѣе чѣмъ удовлетворительный. Начнемъ съ режиссерской части: видно, что распорядитель оперной труппы г. Гельротъ мастеръ своего дѣла. Опера, на этотъ разъ, была поставлена безъ купюръ: едва-ли не впервые на казанской сценѣ былъ исполненъ въ ней хоръ: «Мы на работу въ лѣсъ», а во 2-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ участвовали военный духовной оркестръ и въ послѣднемъ актѣ выходилъ на сцену артистъ, облаченный въ древне-царское одѣяніе. Декоративная обстановка и свѣтовые эффекты были прекрасны. Декорации подновлены. Особенно эффектна декорация «монастыря». Солисты имѣли выдающіеся успѣхъ, особенно Тарасовъ, въ партіи Сусанина, обнаружившій могучій и красивый бѣсъ и болѣе драматическое дарованіе. У г-жи Бобровой (Антонида) голосъ не сильный, но красивый, особенно пріятный въ «*pianissimo*». Хорошими голосами обладаютъ и г-жа Платонова (Ваня), и г. Агшинцевъ (Сабининъ). Платонова биссировала «Ты не плачь, не плачь, сиротинушка», а Тарасова «Ты придешь, моя зоря», кромѣ того биссировался квартетъ «Боже, люди царя». Въ концѣ спектакля публика устроила овацию г-г. Гельроту и Борода. Народу въ театрѣ было много. Мы ждемъ сдѣлать развѣ только одно замѣчаніе—это, что участвовавшій къ оперѣ оркестръ Котельничскаго батальона нѣсколько запаздывалъ своимъ «вступленіемъ» и что въ послѣднемъ актѣ его музыканты-трубаки вышли съ нотами въ рукахъ,—что, конечно, нарушало величественность послѣдней картины.

Объ открытіи дѣятельности «Казанскаго общества любителей изящныхъ искусствъ» что-то мало слышно. Говорятъ, что оно въ этомъ сезонѣ думаетъ ставить свои спектакли въ театрѣ, а семейные вечера гдѣ? Говорить тоже въ театрѣ—въ большомъ фойѣ. Поживемъ—увидимъ.

Большой интересъ возбуждаетъ здѣсь новое начинаніе въ области «музыкальной педагогики». При музыкальной школѣ Р. А. Гуммerta открывается «музыкальный лѣтскій садъ». Цѣль его—развитіе музыкальных способностей у дѣтей «до школьнаго» возраста, отъ 8 до 12 лѣтъ; впрочемъ, съ разрѣшенія директоры школы могутъ быть принимаемы и дѣти какъ болѣе младшаго (кажется отъ 6 лѣтъ), такъ и болѣе старшаго (—до 15 лѣтъ) возраста. Этою же школою, или ея почтеннымъ директоромъ задумано вызвать къ дѣятельности и существующее уже нѣсколько лѣтъ въ Казани «Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества», но существующее только номинально. Нельзя не приветствовать этой идеи, серьезная музыка въ нашемъ городѣ почти отсутствующа, не смотря на все возрастающее количество музыкальных классовъ и почти постоянную оперу въ Казани.

Въ настоящее время Казань особенно богата *классами пѣнія*. Такъ кромѣ классовъ, пѣніе при музыкальной школѣ г. Гуммerta, открылись здѣсь съ 1897—98 г. классы пѣнія г-жи Гіенжай и съ 1898—99 года классы пѣнія Н. А. Преображенскаго Ю. О. Закржевскаго. Послѣдній состоитъ и преподавателемъ музыкальнаго класса пѣнія школы Гуммerta. Кромѣ того уроки пѣнія и музыкальной декламации даетъ въ Казани К. И. Гринясенъ—италіанская оперная пѣвица—давно посвятившая себя вокально-педагогической дѣятельности.

Казанецъ.

ХАРЬКОВЪ. Въ Харьковской губерніи было нѣсколько попытокъ ставить народные пьесы съ участіемъ крестьянъ въ роляхъ крестьянъ же. Всего болѣе удаются малорусскія пьесы, съ пѣніемъ и танцами; онѣ исполнены по силамъ исполнителей. Недавно въ Григорьевѣ, извѣстной подъ г. Харьковомъ паровой мойкѣ Алексѣевыхъ давали «Мирскую вдову» Картопа. Пьеса была тщательно поставлена и очень понравилась рабочимъ мойки.

Для открытія сезона въ Харьковѣ 15 сентября пойдетъ «Джентльменъ». Затѣмъ первыми пойдутъ пьесы: «Дядя Ваня», «Мюцотта», «Рюк Блазъ», «Ксентьба Вьлугина», «Лѣсъ» и «Бояринъ Нечай-Ногаетъ» (послѣднія три—ради дебюта г. Строителя).

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Въ то время, какъ оперетка городского театра, влача свое блѣдное существованіе, очень скоро зачахла, оперное товарищество подъ управленіемъ Любинъ и Силы-

кова просуществовало въ больномъ ямарочномъ театрѣ отъ 26 іюля по 30 августа и закончило сезонъ довольно успѣшно. Товарищество во всякомъ случаѣ не только не понесло убытковъ, но, расплатившись со всѣми участниками труппы, получило, какъ говорятъ, еще нѣкоторую прибыль. Если признать во вниманіе высокія требованія городского и ямарочнаго обывателя, привыкшаго видѣть ежегодно въ составѣ оперы Фигиера, Медею Фигиери, Яковлева и пр. а съ другой стороны—громадные расходы по содержанію театра и труппы, то рискъ предпріятія долженъ считаться значительнымъ. Въ нынѣшнюю ямарку цѣны на мѣста къ тому же были понижены и ставились утренніе спектакли для народа по самымъ доступнымъ цѣнамъ (отъ 7 коп.). Справедливость требуетъ сказать, что товарищество съумѣло удачнымъ подборомъ исполнителей, частой смѣной гастролеровъ, хорошимъ оркестромъ и хоромъ неослабно поддерживать интересъ въ продолженіи всего ямарочнаго сезона. Недочеты декоративно-обстановочные, правда, ярко бросались въ глаза, но къ нимъ публика относится снисходительно въ виду кратковременнаго пребыванія и дѣятельности опернаго товарищества. За то музыкально-художественная сторона дѣла способна была вполне удовлетворить и требовательнаго провинціала. Врядъ ли городъ въ неярморочное время можетъ разсчитывать на существованіе такой оперной труппы. Если, какъ сообщалось въ мѣстной прессѣ, г-г. Салтыковъ и Любинъ имѣютъ намѣреніе снѣсть городской театръ на слѣдующее трехлѣтіе, чтобы водворить въ немъ оперу и драму, имъ предстоитъ трудная и едва ли выполнимая задача. Въ истекшемъ сезонѣ спектакли давались почти ежедневно, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ—два раза въ день. Утренники привлекали массу учащейся молодежи, которая захватывала дешевыя мѣста, такъ что спектакли собственно не носили характера народныхъ; да и трудно предполагать въ народѣ потребность въ оперной музыкѣ, которую еще нужно развитъ и воспитать. Были поставлены слѣдующія оперы: «Демонъ» (три раза), «Травиата», «Отелло», «Жизнь за Царя» (четыре раза), «Евгеній Онѣгинъ» (три раза), «Гугеноты», «Пиковая дама» (два раза), «Дубровскийъ», «Опричникъ», «Князь Игорь» (два раза), «Фаустъ» (три раза), «Русалка» (два раза), «Рогнеда», «Карменъ» (два раза), «Риголетто», «Мазепа», «Вражья сила», «Аида», «Русаланъ и Людмила» (три раза), «Аскольдова могила» и «Африканка». Труппа состояла изъ слѣдующихъ главныхъ исполнителей: г-г. Донской, Закржевскій, Вельяшевъ и Любинъ (теноры), Яковлевъ, Салтыковъ и Гладковъ (баритоны), Трубинъ и Сангурскій (басы); г-жи Эйгенъ, Ольгина, Дворецъ (сопрано), Шау и Платонова (меццо-сопрано). Наиболѣе шумный успѣхъ имѣли г. Яковлевъ и г-жа Эйгенъ. Они несли всю тяжесть репертуара и были неизмѣнно на высотѣ своей задачи. Въ г. Яковлевъ по прежнему высоко цѣнятъ художественное исполненіе, соединенное съ высоко развитымъ музыкальнымъ чутьемъ, благородными манерами и красивой внѣшностью. Голосъ г-жи Эйгенъ производитъ обаятельное впечатлѣніе красотой, ровностью, металличностью, а исполненіе художественнымъ пониманіемъ и естественностью. Слѣдующее мѣсто по степені успѣха занимаютъ: Ольгина, Вельяшевъ, Трубинъ и Салтыковъ. Г-жа Ольгина поетъ очень недолго; ея голосъ лишенъ той пріятности, мягкости и задумчивости, которая присуща голосу г-жи Эйгенъ, тѣмъ не менѣе ее должно считать хорошей пѣвицей и исполнительницей обычнаго опернаго репертуара. Г. Вельяшевъ былъ сюрпризомъ для публики послѣ отъѣзда Донскаго и Закржевскаго. Пѣвецъ обладаетъ чрезвычайно красивымъ голосомъ, поетъ тепло и выразительно, держитъ себя на сценѣ съ тактомъ и художественной умѣренностью. Его исполненіе ролей Ленскаго, Синодала, Фауста доставило публикѣ высокое наслажденіе. Нужно радоваться тому, что артистъ перешелъ изъ оперетки въ оперу, гдѣ его настоящее мѣсто Трубинъ, а за нимъ другой басъ Сангурскій были очень желанными исполнителями. Рѣдко выступавшій баритонъ Салтыковъ—очень музыкальный и опытный пѣвецъ, приличный Демонъ и Нелюско; его пѣніе слушается съ удовольствіемъ, но голосовыя средства подчасъ оказываются недостаточными; такъ, исполненіе Нелюско въ Африканкѣ стоило пѣвцу болѣе сильныхъ усилій. Еще труднѣе пѣтъ г. Любину, безусловно музыкальному артисту, очень старательному въ игрѣ; артистъ къ сожалѣнію сохранилъ лишь немного пріятныхъ звуковъ въ верхахъ; нижняго регистра вовсе нѣтъ. Арію Синодала онъ совершенно выпустилъ. Тѣмъ не менѣе онъ не нарушилъ партій. Донской и Закржевскій пѣли очень короткое время. Г-жа Шау хороша исполнительница партіи Зибели въ Фаустѣ, вообще же приличная и во всякомъ случаѣ полезная артистка. Г-жа Дворецъ не очень нравилась публикѣ.

Что касается драматическаго театра, то составъ труппы на предстоящій зимній сезонъ уже опредѣлился и опубликованъ. Женскій персоналъ: г-жи Саблина-Дольская (г-я драматическая роли), Андросова (*ingénue dramatique*), Дольская (*ingénue comique et dramatique*), Рѣшимова (драм. старуха и пожилая *grande dame*), Соколовская (*grande coquette*), Славянская (*ingénue comique* и водеvilльная роли), Стеблинская (*grande dame*), Александрова (бытовые роли), Мерянская (комическая

старуха), Раевская (характерныя роли), Каширина (молодая роли), Незлобина (2-й индус), Николаева (2-й роли) Мужской персонал: гг. Лавровский (герой и 1-й драматический любовник), Троицкий (драматический резонер и характерныя роли), Дар-Владимировъ (драматический любовник и фатъ), Разсудовъ (1-й комикъ), Гончаровъ (резонер и биг-товья роли), Шатовъ (1-й простака и поддевильныя роли), Короткевичъ (комикъ-резонер), Востоковъ (бывшій простака), Банкировъ (любовник и фатъ), Полопский (молодая роли), Строевъ (2-й любовник), Ростовцевъ (2-й простака), Аверкиевъ (2-я роли), Стравинский (2-я роли), Петровский (малая роли).

Сезонъ откроется 14 сентября. Изъ неигранныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ пьесъ предполагаются слѣдующія: «Спиритизмъ» Сарду, «Пашенька», «Соломонъ и Елена», новая драма Пушкирева, «Воевода» (Сонъ на Волгѣ) Островскаго, «Невольники рубля», «Нума Руместанъ», «Древняя Москва» (Басурманъ) новая драма Соболевскаго, «Защитникъ», «Золотая Ева», «Мирсаль» Сарду, «Теща», «Потонувший колоколь», «Правительница Софья», «Рай всенной», «Непогрѣшимый», «Тысяча и одна ночь», «Самоуправцы» Писемскаго, «Полусвѣтъ» Дюма, «Дядя Ваня» Чехова.

Антреприза г. Соболевскаго въ городскомъ театрѣ оканчивается въ предстоящемъ сезонѣ. Кому будетъ данъ въ аренду театръ на слѣдующее трехлѣтіе еще неизвѣстно.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Антреприза С. И. Крылова. Составъ труппы г-жи О. В. Рахманова, О. М. Свѣтлова Арди, Н. Н. Андреева-Вергина А. Н. Борская, В. Н. Вечера, Н. Н. Невѣрова, Д. А. Разсказова, Е. В. Пояркова, Берже, Владимова, Желанова, Табакина, Куртъ, Агапова, Качинская, Миловицкая, Лянова, Гинская, Эршлеръ Галли; гг. Е. А. Ленковскій, Г. И. Матковскій, О. К. Дунаевъ, С. Н. Задольскій, Л. В. Дубецкій, М. И. Михайловъ, В. Ю. Вазимовъ, А. Х. Брянскій, Н. С. Ландовъ, Д. А. Миняевъ, Н. И. Корнилевъ, Петровъ, Антоновъ, Гинскій, Афанасевъ, Пляжъ, Кановскій, Лядовъ, Николаевъ, Вольскій; гл. режиссеръ Матковскій, режиссеръ комит. оперы Брянскій, помощ. режиссера Юдинъ, суфлеръ Герцманъ, декораторъ Волковъ, костюмеръ Александровъ; войсковой оркестръ подъ управленіемъ Ф. И. Козакъ; хоръ изъ 28-ми человекъ. Къ постановкѣ намѣчены слѣдующія пьесы: «Сирано-де-Бержеракъ», «Лизистрата», «Спиритизмъ», «Ложь», «Золотая Ева», «Мирская вдова», «На лонѣ природы», «Баба», «Затерянный мудрецъ», «Неумолимый судъ», «Два судья», «Увядшіе ландышъ», «До гривеннику за рубль», «Безумцы», «Старшина Бурамбай», «Денежки», «Свободная любовь», «Ононь», «Царь Эдипъ» и др. оперы «Риголетто», «Трубадуръ», «Демонъ», «Травизта», «Паяцы» и др.; оперетки «Гейша», «Волшебникъ Нила», «Мартинъ Рудонкопъ», «Ничій студентъ», «Продавецъ птицъ» и др.

ТИФЛИСЪ. Изъ журнала «Театръ и Искусство» была напечатана статья о передачѣ театровъ. Этотъ способъ, къ сожалѣнію, практикуется не только купцами кулаками, но и людьми съ артистической жилкой, какъ показываетъ примѣръ г. Форкатти. Г. Форкатти снимаетъ театры въ Боржомѣ, Тифлисѣ и Кисловодскѣ, и всюду сдаетъ театры на выгодныхъ условіяхъ, оставляя за собой самую доходную статью, буфетъ и вѣшалку. Въ прежнія времена г. Форкатти снималъ одновременно театры въ Кутаисѣ, Батумѣ, Баку, Тифлисѣ, и всюду получалъ изрядные барыши. Для наглядности достаточно привести примѣръ: въ Боржомѣ играло драматическое товарищество, которое не могло закончить сезонъ, между тѣмъ какъ г. Форкатти получилъ все-таки барыши; въ Кисловодскѣ театръ былъ данъ г. Зурабову, который потерялъ нѣсколько тысячъ, а г. Форкатти имѣетъ пользы тысячъ восемь, какъ говорятъ.

20-го сентября въ Тифлискомъ казенномъ театрѣ начнутся спектакли «русско-итальянской» оперы. Вотъ составъ труппы. Сопрано: г-жи Баулина, Волина, Каллигарисъ, Мартеллони, Ольга, Самойлова; меццо-сопрано и контральто: г-жи Компадонико, Кравецъ, Петрова; тенора: гг. Арцимовичъ, Борисенко, Гверце, Костаньинъ; баритоны: гг. Делла Торре, Званцевъ, Камонский и Максаковъ; басы: гг. Гагаенко, Гецевичъ, Трубинъ, Чиротто. Капельмейстеры: гг. Барбини и Пагани. Новый антрепренеръ г. Фарини—человѣкъ добросовѣстный; надо надѣяться, что онъ поведетъ дѣло не хуже своего предшественника. Не странно ли? Всѣ толкуютъ объ обрущеніи края, между тѣмъ одинъ изъ значительнѣйшихъ факторовъ обрущенія—театръ, русскій и драматическій, казенный и съ субсидіей уступаетъ мѣсто итальянской оперѣ.

Грузинныя труппы, грузинская и армянская, еле влечутъ свое существованіе. Да иначе и быть не можетъ. Грузинская сцена давно не даетъ хорошихъ актеровъ и актрисъ, силы всѣ старыя, пьесы переводныя и даются черезъ годъ, два послѣ появленія на русской сценѣ. Армянская сцена находится въ лучшемъ положеніи, и однако богатый городъ Тифлисъ съ $\frac{2}{3}$ армянскаго населенія не можетъ держать порядочную труппу. У грузинъ, по крайней мѣрѣ, есть собственный театръ, у армянъ же и этого нѣтъ. За то армяне богаче артистическими силами. Всѣ помнятъ, вѣроятно, чуд-

наго артиста, покойнаго Аламыяна. Сейчасъ у армянъ много прекрасныхъ артистовъ; артистъ Петросянъ, стоящій во главѣ дѣла, человѣкъ образованный, любящій дѣло, и можетъ быть украшеніемъ любой труппы. Будучи студентомъ, онъ игралъ когда-то въ Петербургѣ у покойнаго Базарова. Онъ прекрасно говоритъ по русски. Изъ другихъ артистовъ извѣстны гг. Абелиянъ, Араксянъ, Теръ-Довзьянъ Врупръ. Недавно армяне похоронили выдающагося комика г. Турьяна, уроженца Константинополя, который 39 лѣтъ служилъ родной сценѣ. Покойный умеръ въ бѣдности и былъ похороненъ на общественный счетъ.

Кавказецъ.

РОСТОВЪ-НА ДОНУ. Сообщимъ вамъ составъ труппы Ростова, Новочеркасска и Таганрога, и нѣкоторые небезинтересныя свѣдѣнія. Сезонъ въ Ростовѣ-на Дону начинается 20-го сентября комедіей «Горе отъ ума». Театръ частью передѣланъ, уничтожено нѣсколько ложъ замѣненными дешевыми мѣстами, частью заново отремонтированъ. Къ кресламъ, въ ложахъ и дешевыхъ мѣстахъ на цѣпочкахъ привинчены бинокли. Саженыя афиши уничтожены, ихъ замѣняютъ небольшія афиши на бѣлой бумагѣ. Нѣтъ объявленія о составѣ труппы, о предполагаемомъ репертуарѣ. Вообще нѣтъ трескотни и шума. Дѣло начинается тихо, скромно. Режиссеромъ все тотъ же труженикъ—г. Синельниковъ. Написано много новыхъ декораций, сдѣлано много новыхъ костюмовъ, бутафорій. Установлена Гаринская суфлерская будка. Изъ прошлаго сезона остались: г-жи Мартынова, Блюменталь-Тамарина, и нѣсколько молодыхъ актеровъ, изъ вторыхъ и третьихъ роли: Г. Мордвиновъ, Синельниковъ, Петровскій, Чаринъ, Лихомскій и др. Вызовъ приняты въ труппу: г-жа Юрсева, Миткевичъ, Латаръ, Зиновьева, Лепетичъ, гг. Самойловъ, Добровольскій, Рѣшимовъ, Лепетичъ и др. Въ Новочеркасскѣ открытіе сезона предполагается также съ 20-го сентября. С. И. Крыловъ составилъ и большую и дорогую труппу, въ составъ которой вошли, въ женскомъ персоналѣ Рахманова, Арди-Свѣтлова, Андреева-Вергина, Борская (объявленія также въ составѣ товарищества Борода), Вечера (по моимъ свѣдѣніямъ и недумаясь прѣхать въ Новочеркасскъ), Невѣрова, Разсказова, Юрикова, Владимова и др. Лепковскій, Митковскій, Дунаевъ, Задольскій, Дубецкій, Михайловъ, Владимовъ, Брянскій, Миняевъ, Коркилевъ и др. Большой хоръ. Валетъ. Труппа для драмы, оперы и оперетки. Въ вышеупомянутомъ анонсѣ есть блондинки и брюнетки есть на всякій вкусъ—«Сирано-де-Бержеракъ», «Риголетто», «Лизистрата», «Спиритизмъ», «Трубадуръ», «Ложь», «Золотая Ева», «Продавецъ птицъ» и «Свободная любовь», и «Травизта», и «Ононь», и «Царь Эдипъ», и «Демонъ» и пр. Режиссеръ драмы Матковскій (бывшій режиссеръ у Корша, большой знатокъ дѣла), режиссеръ оперетки Брянскій. По послѣднимъ свѣдѣніямъ г. Крыловъ ведетъ перенеску съ г-жей Шарпанть, чтобы ея замѣнить г-жу Борскую. Таганрогскій театръ уже второй сезонъ въ рукахъ О. В. Строгановой. Г-жа Строганова свою дѣятельность доказала, что женщины умѣютъ (подчасъ даже лучше) вести ответственное театральное дѣло. Труппа у нея небольшая: г-жи Кони-Стрѣльская, Лодина, Бауэръ (отъ Корша) Долинская, Донская Строганова и др. Гг. Панормовъ-Соколовскій, Свѣтловъ-Марковскій, Зубовъ, Пальминъ-Эльканъ, Кузнецовъ-Ершовъ, Горсткинъ, Орловъ, Мироничъ и др. Замѣчательно, какъ любятъ наши артисты давать себѣ двойныя фамиліи: въ труппѣ насчитывающей десять артистовъ пять съ двойными фамиліями. Пора оставить эту дурную привычку.

Б. Калней.

САРАТОВЪ Третій и четвертый спектакли драматическаго товарищества М. М. Борода («Власть тѣмъ» и «Мораль» Сарду) прошли при вялыхъ сборахъ. Не забираясь въ область далекихъ предположеній, можно пожалуй безошибочно сказать, что наша публика вообще дѣлаетъ пока только еще слабыя попытки отдѣлать себя, такъ сказать, въ распоряженіе наступающаго сезона. Праздничные спектакли 6 и 8 числа, «Честъ» — Зудермана и сенсационный «Джентельменъ» собрали много публики.

Администрація театра, видимо старается подогрѣть вялое настроеніе. Въ репертуарѣ появились: 9 сентября — «Злая лямія» и 10 — «Полусвѣтъ» А. Дюма. Однако, увы, расчетъ оказался не вѣрнымъ.

О пьесѣ г. Фомовѣва, которая и теперь идетъ у насъ превосходно, съ неизмѣннымъ почти составомъ исполнителей, мы въ прошломъ году уже имѣли случай говорить «Полусвѣтъ» въ настоящую постановку разыгранъ съ меньшими успѣхомъ. Безусловно хороша въ роли Оливье де-Жалена—г. Соколовскій; почти также хороша г-жа Свободина-Барышова (Сюзанна) и вполне удовлетворителенъ г. Агаревъ (Де-Нанжакъ). Тшмиченъ, но совершенно въ обратномъ смыслѣ, г. Чернышевъ (Маркизъ де-Тоннеренъ), съ его «чудовищнымъ» гримомъ и обычной манерой говорить съ дѣйствующими лицами на сценѣ, по адресуясь въ то же время къ публикѣ. Не дурна г. Иргенъса, только нѣтъ чувства мѣры въ драматическихъ моментахъ, и совѣтъ безлична г-жа Кускова съ ея слишкомъ большимъ вниманіемъ къ костюму и еще большимъ безучастіемъ къ роли Валентины де-Сантисъ. Вообще, собственно говоря, почти всѣ новые исполнители (Немирова-Ральфъ, Качалова, Кускова и др.) не сыграли и чув-

ставляли подъ ногами довольно непрочную почву, 11 сентября ставить двѣ новыя пьесы: «Спиритизмъ»—Сарду и «Золотую Евву». Очевидно, теперь дѣло только за публикой.

Съ наступленіемъ сентября и въ дѣлахъ народнаго театра вышла маленькая «заминка». Сборы какъ-то сразу замѣтно упали. Тутъ, впрочемъ, виноватъ отчасти и самый репертуаръ, почему-то съѣхавшій на систематическія повторенія. Въ концѣ августа повторили «Лѣсъ», «Ревизора». 1 сентября поставили «Свадьбу Кречинскаго», а вслѣдъ за этимъ опять повторили: «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ»—Островскаго и «Скупой» — Мольера. И въ распредѣленіи ролей проглядываетъ осеннее настроеніе: въ пьесѣ Островскаго г. Борещкаго (Баклушинъ) не желательна замѣнилъ любитель г. Константиновъ; тоже и въ «Скупомъ» — Элизу играла г-жа Струева, тогда какъ въ этой роли мы видѣли уже г-жу Крестовскую. Всѣ эти замѣны, конечно, только минуя въ смыслѣ сборовъ: Суховъ Кобылинъ далъ немного болѣе 50 р., Островскій — кажется 85 р. и Мольеръ — 150 р.; что для праздничнаго спектакля сборъ небольшой.

ПЕНЗА. 16-го августа товариществомъ артистовъ нашего народнаго театра были сыграны семейныя сцены въ 3 дѣйствіяхъ Островскаго «Не отъ міра сего». Въ роли Ксеніи выступила г-жа Мигановичъ, вынѣшняя лѣтомъ участвующая здѣсь почти въ каждомъ спектаклѣ на первыхъ драматическихъ роляхъ. Сценическая внѣшность, благодарный голосъ и вполне выработанная художественная манера игры успѣли приобрести ей симпатіи публики. Г-жа Мигановичъ мастерски провела роль Ксеніи, этой любящей, нравственной, но психически больной женщины «не отъ міра сего». Сцена послѣдняго акта, когда Ксенія узнаетъ объ увлеченіи мужа шансонетной пѣвицей, каждымъ звукомъ, каждымъ движеніемъ дышала правдой. И смерть, обрывающая нить пьесы, тихо кладетъ свою руку на этотъ поэтический образъ. Изъ прочихъ исполнителей хорошъ былъ г. Цвеленевъ въ роли мужа Ксеніи и г. Ивановъ въ роли Барбарисова.

Spe.

ПСКОВЪ. Нынѣшнее лѣто нашъ городъ богатъ развлечениями. Кромѣ народнаго театра и театра на станціи желѣзной дороги со вторника, 11-го августа, въ Кутузовскомъ саду пріютились небольшая труппа драматическихъ артистовъ. Режиссеромъ труппы состоитъ молодой артистъ г. Усольцевъ Сибирякъ. Труппа бойко разыгрываетъ одноактные водевилы и оперетки. Труппа пришлась по вкусу публики. Изъ артистовъ назовемъ г-жу Карпову и г. Гаврилова, серьезнаго комика и опытнаго артиста.

Псковичъ.

ГРОДНО. Сообщаемъ составъ труппы гродненскаго театра на предстоящій зимній сезонъ. Антреприза—П. В. Никоновъ. Драматическая труппа сформирована изъ слѣдующихъ составъ: П. В. Никонова—grande danse и драмат. героини. Е. А. Волынникова—ingénue dramatique и молодой героини. О. П. Сибирякина—ingénue comique и grande coquette. М. М. Халатова—ingénue comique и волшебни съ пѣніемъ. Е. А. Кудрявцева—драматическія и комическія старухи. К. И. Степанова—бытовые роли. А. М. Завьялова—2 я ingénue. О. Ф. Бравская—вторыя роли. Александрова 2 я и 3-я роли. В. В. Несмѣльскій—герой и драматич. любовникъ. Г. Ф. Демуръ—любовникъ-фатъ, jeune comique и простакъ съ пѣніемъ. С. С. Митрофановъ—драм. резонеръ. А. М. Врубинъ—первый комикъ и характерныя роли. М. В. Горскій второй любовникъ. И. М. Михайловъ—комикъ резонсеръ. Г. Г. Ивановскій—второй простакъ. Г. Артемьевъ второй резонеръ. Г. Тамаровъ и Яковлевъ—вторыя роли. Режиссеръ—С. С. Митрофановъ. Помощникъ режиссера—Яковлевъ. Суфлеръ—И. А. Арбенинъ. Декораторъ—В. В. Немировъ.

Мебель, бутылфорскія и всѣ аксесуары для сцены изготовлены по заказу дирекціи въ петербургскихъ мастерскихъ. Театръ въ г. Гродно и сцена заново отремонтированы. Открытіе предполагается 1-го или 4-го октября. Репертуаръ—современныя, новѣйшія пьесы.

УРАЛЬСКЪ. Составъ труппы г-жи Лавровская, Каратыгина, Карсели, Маревичъ, Грибау, Никольская, Майкова, Громова, г.г. Пономаревъ, Муромцевъ, Самборскій, Лавровъ, Никольскій, Прасягинъ, Любарскій, Козловъ, Соколовъ, Громовъ. Спектакли предполагаются четыре раза въ недѣлю. По пятницамъ будутъ даваться общедоступныя спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ; репертуаръ пьесъ на эти спектакли будетъ состоять изъ классическихъ произведеній Гоголя, Грибоедова, Островскаго и др.

РИГА. Пока намѣчены слѣдующія пьесы 1 октября, для открытія сезона, «Безъ вины виноватые» комедія Островскаго, дебюта любовника г. Поля. Затѣмъ пойдетъ «Дама съ камеліями» Дюма-сына, для дебюта г-жи Чаровой «Гибель Содомы» для дебюта г-жи Золотаревой. Режиссеръ труппы г. Ратовъ выступитъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго». Изъ классическихъ произведеній предполагается поставить «Зимнюю сказку», «Виндзорскихъ проказницъ», «Антонія и Клеопатру», «Ромео и Джульету» и «Гамлета» Шекспира. «Трилогію» графа А. Толстого и пр. Изъ обстановочныхъ пьесъ будутъ поставлены «Романтикъ» и «Сирано де-Бержеракъ» Ростана, «Графъ де-Ризооръ» Сарду и др. Изъ новинокъ будутъ даны «Слѣ-

дователь» Борисова и «Поздно» Яковлевой и др. Нѣкоторыя новыя пьесы будутъ поставлены на сцену подъ наблюденіемъ авторовъ, которые специально для этого придутъ въ Ригу. Репетиціи начнутся съ 19 сентября.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 21-го сентября по 5-е октября 1898 г.

Александринскій театръ. Понедѣльникъ 21-го сентября: «Загадки жизни», драма.—Вторникъ, 22-го сентября: «Джентльменъ», ком.—Среда, 23-го сентября: «Загадки жизни», драма.—Четвергъ, 24-го сентября: «Ябеда», ком.—Пятница, 25-го сентября: «Безприданница», драма.—Воскресенье, 27-го сентября: «Ябеда», ком.—Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Загадки жизни», драма.—Вторникъ, 29-го сентября: Въ 1-й разъ: «Двѣ судьбы», пьеса.—Среда, 30-го сентября: «Загадки жизни», драма.—Четвергъ, 1-го октября: «Горе отъ ума», ком.—Пятница, 2-го октября: «Загадки жизни», драма.—Воскресенье, 4-го октября: Утромъ: «Недоросль», комедія; Въ чужомъ пиру похмѣлье, карт. Вечеромъ: «Безприданница», драма.

Михайловскій театръ. Понедѣльникъ 21-го сентября: «Diane de Lys», com. (Abonn. suspendu) —Вторникъ, 22-го сентября: «Diane de Lys», com. (1-er abonnement, spect. № 1).—Среда, 23-го сентября: Въ 1-й разъ. «Блестящая карьера», ком.—Четвергъ, 24-го сентября: «Diane de Lys», com. (2-ème abonnement, spect. № 1).—Пятница, 25-го сентября: «Блестящая карьера», ком.—Суббота, 26-го сентября: «Le docteur Jojo», com. (Abonn. suspendu).—Воскресенье, 27-го сентября: «Бой бабочекъ», ком.—Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Le docteur Jojo», com. (Abonn. suspendu).—Вторникъ, 29-го сентября: «Le docteur Jojo», com. (1-er abonnement, spectacle № 2).—Среда, 30-го сентября: «Юность», драма; «Мнѣній болыной», ком.—Четвергъ, 1-го октября: «Le docteur Jojo», com. (2-ème abonnement, spectacle № 2).—Пятница, 2-го октября: «Блестящая карьера», ком.—Суббота, 3-го октября: «Début de m-elle Marguerite Berety du théâtre de l'Odéon, «Le démimonde», com. (Abonnement suspendu).—Воскресенье, 4-го октября: «Блестящая карьера», ком.

Марининскій театръ. Понедѣльникъ, 21-го сентября: «Ферморскъ», опера (1-е представленіе 4-го абонементъ).—Вторникъ, 22-го сентября: «Рогнеда», опера.—Среда, 23-го сентября: «Млада», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (5-е представленіе абонементъ).—Четвергъ, 24-го сентября: «Ферморскъ», опера (2-е представленіе 5-го абонементъ).—Пятница, 25-го сентября: «Карменъ», опера.—Воскресенье, 27-го сентября: «Очарованный лѣсъ», балетъ (г-жа Куличевская); «Тоспелія», балетъ (г-жа Преображенская) (6-е представленіе абонементъ).—Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Ферморскъ», опера (г-жи Куза, Славина; гг. Ершовъ, Шароновъ, Бухтояровъ и пр.) (2-е представленіе 1-го абонементъ).—Вторникъ, 29-го сентября: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Медя-Фигнеръ, Долина, Лузинова; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Титовъ, Мийборода и др.) —Среда, 30-го сентября: «Лида», опера (г-жи Козаковская, Славина; гг. Морской, Смирновъ, Серебряковъ и Фрей) (1-е представленіе 3-го абонементъ).—Четвергъ, 1-го октября: «Рогнеда», опера (г-жи Каменская, Насилова; гг. Ершовъ, Яковлевъ, Мийборода, Бухтояровъ, Касторскій и др.) (3-е представленіе 2-го абонементъ).—Пятница, 2-го октября: «Ромео и Джульетта», опера (г-жи Михайлова, Фриадъ; гг. Фигнеръ, Черновъ, Шароновъ, Серебряковъ, Фрей и др.) Воскресенье, 4-го октября: Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Медя-Фигнеръ, Долина, Фриадъ; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Титовъ, Мийборода и др.). Вечеромъ: «Алисъ и Галатей», балетъ (г-жа Преображенская); «Пахита», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (7-е представленіе абонементъ).

*) Которая? Мы насчитали уже трехъ Карениныхъ въ провинціи.
Прим. ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

(В. А. НЕМЕТТИ, Офицерская, № 39).

Дирекція А. В. Амфитеатрова.

Въ воскресенье 20-го Сентября въ первый разъ новая пьеса Н. Н. Елизаровой

„ПО ГРИВЕНИКУ ЗА РУБЛЬ“

«МЫШЕЛОВКА.»

21-го понедѣльникъ, «БАБА» др. въ 5 д. и «ВОЛШЕБНЫЙ ВАЛЬСЪ». 22-го вторникъ, «СЧАСТЛИВЕЦЪ» и «ЗАОБЛАЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ». 23-го среду, «БАБА» и «ВОЛШЕБНЫЙ ВАЛЬСЪ». 24-го четвергъ, «ПО ГРИВЕНИКУ ЗА РУБЛЬ» и «МЫШЕЛОВКА». 2-го пятницу, 1-й выходъ Форкати «ЦѢПИ» др. Сумбатовъ и «ШКОЛЬНАЯ ПАРА» вод.

Дальѣйшій репертуаръ: оригинальная драма, комедія, водевилъ.

Дирекціей приобретено право постановки 12 новыхъ пьесъ извѣстѣйшихъ русскихъ драматурговъ.

По Воскресеньямъ общедоступные утренніе спектакли, репертуаръ коихъ составляется изъ пьесъ классическихъ. — Подробности репертуара будутъ объявлены особо.

ПЕРСОНАЛЪ:

2-2

Г-жи:
Брянская-Коврова, М. С.
Вѣгичева, А. П.
Иванова Пименова, А. Н.
Ивина, Л. Н.
Константинова, Е. А.
Легать, Е. Л.
Гордѣва, Н. З.
Марликовская, Е. П.
Крылова, О. М.
Орская, А. М.
Райская, И. В.

Г-жи:
Ржевская, О. Н.
Погрелова, Н. Е.
Холмская, З. В.
Шунова-Шмитгофъ Е. В.
Чернова, Л. О.
Шадрина, А. К.

Г-да:
Басмановъ, Д. И.
Васуновъ, Э. Д.
Вестеръ, Г. И.
Волоховъ, Н. В.

Г-да:
Вѣлива-Вѣлизовичъ М. Н.
Дунаевъ, П. А.
Мячневъ, М. П.
Озеровъ, В. В.
Скуратовъ, П. Л.
Статковский, Э. О.
Полонскій, А. С.
Петропавловскій, П. Н.
Яковлевъ-Востоковъ, Г. А.
Федотовъ, А. С.
Форкати, В. Л.

Режиссеръ Э. Д. Басуновъ. Помощникъ режиссера С. А. Островскій. Суфлеръ М. Г. Андреевъ. Декораторъ А. Ф. Дмитриевъ.

Оркестръ изъ 20 человекъ подъ управленіемъ В. И. Иванова.

Администраторъ Г. И. Вестеръ.

Директоръ театра А. В. Амфитеатровъ.

Изданія М. В. Шевлякова:

Изъ области приключеній. По рассказамъ бывшаго начальника С.-Петербургской сыскной полиціи *И. Д. Путилина*. (Съ его портретомъ и біографіей). Спб. 1898 г. Цѣна 80 коп.

Русскіе романы (музыкальные шедевры). Съ портретами исполнителей. М. И. Долиной, Е. К. Мравинной, Н. Н. Фигера, И. А. Мельникова, П. А. Хохлова, И. В. Тартакова, А. Я. Чернова, Л. Г. Яковлева, А. Д. Давыдова. Спб. 1898 г. Цѣна 75 коп.

Въ наше время. Ком. въ стихахъ. 3 д. В. Е. Серебрякова. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

ВЫПУСКИ МАЛЕНЬКОЙ ЧИТАЛЬНИ:

№ 1. Знаменитыя дуэли въ Россіи. Историческіе эпизоды. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

№ 2. Русскіе лгуны. Характеристики Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

Народная русская сказка въ стихахъ „По щучьему велѣнію“. Разсказалъ дѣдушка изъ Крестецъ. Спб. 1898 г. Цѣна 15 коп.

Продаются во всѣхъ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія: Петербургъ, В. Морская, д. 17, книжный магазинъ газеты „Новости“.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛЪ

бывшій КОНОНОВА

съ 15-го сентября подъ спектакли, вечера и т. п. сдается отъ администраціи дома, Мойка, 61.

0-0

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С. П. Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.
ПУДРА ЮНОСТИ
КОСМЕТИКА В. ЛИТШЕ
ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИ-
СТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУ-
ШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ
ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

Коробка 75 коп. и 40 коп.

№ 195 (г.)

Только что вышла изъ
печати

новая пьеса В. Сарду

„СПИРИТИЗМЪ“

Перев. Н. А. Лухмановой.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ редак. „Театръ и Искусство“, Спб. Моховая, 45.

Депю косметическихъ произведеній

Брокара, Ралле, Бодло и друг. здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ; также аптекарскіе, косметическіе, резиновые, перевязочные и хозяйственные предметы. Спб. Николаевская ул., № 73.

№ 160 (г.)

Косметическіе спермацетовые личные утиральники

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглуна красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглуна, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2.

(г.)

ДВѢ НОВЫХЪ КНИГИ

АПОЛЛОНА КОРИНФСКАГО:

1) **ТѢНИ ЖИЗНИ**. Стихотворенія 1895—96 гг. Изящно отпечатанный на атласной бумагѣ томъ in-octavo (около 300 стр.), въ художественно исполненной обложкѣ. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна **одна руб.**

2) **ВОЛЬНАЯ ПТИЦА** и другіе разказы 1888—1894 гг. Изящно изданный томъ in-octavo. болѣе 20 печатныхъ листовъ (336 стр.). С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна **одинъ руб.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имѣются въ продажѣ другія книги А. А. КОРИНФСКАГО: 1) „Пѣсни сердца“. Стих. 1889—93 гг. (2-е изд. М. В. Ключина). Цѣна 1 р. въ переплетѣ съ золототисненіями. 2) „Черныя розы“. Стих. 1893—95 гг. Цѣна 1 р. въ худож. обложкѣ и 3) „На ранней зорькѣ“. Стих. для дѣтей, со многими рис. Цѣна 50 к., въ папкѣ 30 к. Изд. М. В. Ключина, допущ. учен. Ком. Мин. Нар. Пр. Въ народ. библиот. 4) Поэма Кольриджа „Старый морякъ“, въ стихотв. перев. Аполлона Коринфскаго. съ 40 иллюстр. Густава Доре, двумя портр. Кольриджа, библ. знамен. англ. поэта и примѣч. Второе изд. (А. Ф. Югансона) in-folio, на веленовой бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ — **ТРИ РУБЛЯ**.

2-2